Литрес ≡ Классика

Николай Некрасов

МЕРТВОЕ ОЗЕРО

Николай Некрасов

Мертвое озеро

«ЛитРес»

1851

Некрасов Н. А.

Мертвое озеро / Н. А. Некрасов — «ЛитРес», 1851

Роман, написанный Некрасовым в соавторстве с Авдотьей Панаевой, сочетает черты авантюрного и социально-психологического повествования. В центре сюжета – тайна, связанная с загадочным усадебным озером, и судьбы нескольких героев, переплетённые любовными драмами, семейными тайнами и борьбой за наследство. Действие переносит читателя из помещичьих усадеб в столичные салоны, раскрывая картину русской жизни середины XIX века.

© Некрасов Н. А., 1851
© ЛитРес, 1851

Содержание

Часть первая 6
Глава I 6
Глава II 11
Глава III 19
Глава IV 22
Глава V 29
Часть вторая 35
Глава VI 35
Глава VII 43
Глава VIII 47
Конец ознакомительного фрагмента. 54

Николай Некрасов, Авдотья Панаева
Мертвое озеро

Серия «Литрес Классика»

© «Литрес», 2026

Часть первая

Глава I
Летний вечер

Четыре часа пополудни; день жаркий, но воздух чист и ароматен. Солнце усердно нагревает темно-серые стены большого, неуклюжего дома, стоящего вдали от прочих деревенских изб. Об архитектуре его можно сказать одно: вероятно, он был недостроен, когда его покрыли крышей. Окна, маленькие и редкие, наглухо заперты. У дома есть и сад; но он нисколько не защищает его от солнца; кроме кустов сирени да акаций, не видно в нем никаких деревьев. Впрочем, в нем найдется всё необходимое для деревенского сада: крытая аллея из акаций, с беседкой, несколько дряхлых скамеек, расставленных на дурно выметенных дорожках; в стороне – гряды с клубникой, а по забору тянутся кусты смородины и малины. Полусгнившая терраса с колоннами и деревянными перилами, выкрашенными белой краской, выходит в сад, и от нее тянется дорожка; она спускается вниз к небольшой реке, которая вся покрыта болотными

лилиями и другими травами. Через речку перекинут узенький мостик в китайском вкусе. Переходящему его нужно иметь достаточный запас мужества, потому что местами доски сгнили, а остальные прыгали от прикосновения. Но за смелость свою он щедро вознаграждался, очутившись вдруг в прекрасном лесу вместо унылого, обнаженного сада. Огромные деревья заменяли здесь беседку и крытую аллею, зеленая мягкая трава с цветами – сгнившие деревянные скамейки. Тут так всё дышало весело и роскошно, как будто не маленькая река, а целое море разделяло два сада.

Вступив в дом, мы увидим одну из главных комнат, необыкновенно широкую и низенькую, с полом, выкрашенным густо-коричневой краской, с закопченным потолком, с меблировкой, в которой каждая вещь свидетельствует давность лет и лишение удобств. Высокие стулья, выкрашенные белой краской, с букетом роз на спинке, с соломенными подушками, привязанными к сиденью, жались плотно друг возле друга, окаймляя стены. Посреди комнаты – обеденный круглый стол с бесчисленными тоненькими ножками, напоминавший огромного окаменелого паука. В углу против окон – массивный флигель в неуклюжем чехле из толстого серого сукна. На желтой закопченной стене – барометр, оправленный в черное дерево. В одном углу помещались стенные часы с пудовыми гирями, которые по огромности своей скорее годились украшать башню рыцарского замка, чем столовую мирного селянина.

Под монотонный стук маятника по комнате ходила женщина пожилых лет, с лицом бледным и суровым. В ее крупных и неправильных чертах было полное отсутствие малейшей нежности. Закинув руки назад, она прохаживалась тяжелою поступью, погруженная в раздумье. Ее полутраурный туалет гармонировал с мрачностью комнаты: он состоял из темного ситцевого капота и бархатной пелеринки с бахромой; за поясом позванивала огромная связка ключей; тюлевый чепчик с темными лентами прикрывал волосы женщины, черные с проседью.

У окна, затянутого серпянкой, сидели девушка и старичок, лицом друг к другу. Противоположность лет резко выказывала молодость, полную жизни, и кроткую старость. Несмотря на совершенно детский туалет девушки, ей смело можно было дать лет шестнадцать. Ситцевое полинялое светленькое платье с короткими рукавами, которые выказывали полненькие и красивые руки, и беленькая детская пелеринка не могли скрыть пышных плеч. Девушка была причесана a la chinoise.[1] Ее слегка волнистые волосы приподняты были кверху, открывая красивый лоб и виски. Коса ее, очень густая, низко спускалась на затылок, на котором вились от природы маленькие пукли. Головка так грациозно была поставлена на ее прекрасных плечах, что невольно обращала на себя внимание. Черты лица были небольшие, исключая глаз – ясных и смелых; а в очертании красивых губ, несмотря на детское еще выражение всего лица, выражалось уже столько энергии, что вы невольно догадывались о силе характера. Гармония господствовала во всей фигуре девушки, начиная с огненных ее глаз до красивых пальцев, которыми она работала бисером на бумаге, – занятие, придуманное для потери зрения.

Старичок был очень маленького роста: он почти весь мог бы усесться в вольтеровских полинялых креслах. Лицо его было кротко, черты мелкие, но, несмотря на дряхлость, сохранившие еще форму. Из-под белого вязаного колпака, которым была покрыта его голова, падали редкие длинные седые волосы и ложились на воротник ситцевого халата. Огромные очки почти закрывали всё его маленькое лицо. На коленях у него лежала книга, а на окне подле него – табакерка и розовый клетчатый платок.

Тишина была томительная кругом в доме; одна только мерно-тяжелая поступь, то заглушаемая боем маятника, то вторившая ему, монотонно раздавалась по зале. Внимательный глаз, однако ж, заметил бы маленькую комедию, которая безмолвно разыгрывалась среди всеобщей тишины. Лишь только высокая женщина поворачивалась спиною к окнам, как девушка отнимала голову от работы и заглядывала за ширмы, стоявшие у окна. Старик делал то же. Они

[1] в китайском стиле *(франц.)*

улыбались, глядя в окно; по временам девушка едва сдерживала смех. Но как только высокая женщина доходила до двери против окон и поворачивалась, девушка и старик пугливо обращались к своим занятиям; лица их быстро принимали серьезное выражение.

Внимание старичка и девушки привлекал стоявший у окон в саду высокий мальчик… впрочем, мальчиком его можно было назвать только по костюму, да еще по гримасам и прыжкам, какие он теперь выделывал. Широкие его плечи заключены были в узенькую синюю суконную курточку, рукава которой едва доставали до кисти его мускулистых рук. На отложенный воротничок рубашки падали светло-белокурые длинные волосы. Ростом он был довольно высок и вообще имел вид недоросля. Щеки его горели ярким румянцем, пот катился градом с его открытого лба; но он ничего не замечал и усердно гримасничал и ломался. Однако ж проказам его, которые так занимали старика и девушку, суждено было скоро кончиться.

Высокая женщина случайно, не дойдя до двери, повернула голову и застала врасплох старичка и девушку. Как бы почувствовав устремленные на них зоркие глаза, они оба вздрогнули и склонили головы, один – к книге, другая – к работе. Язвительно улыбнувшись, высокая женщина молча вышла из залы в боковую дверь. Девушка выразительно переглянулась со старичком и робко прислушивалась к стуку двери в соседней комнате, которая выходила на террасу. Через минуту возвратилась в зал высокая женщина; запыхавшись, тащила она за собою проказника, пойманного врасплох в саду, – он неохотно шел за ней, упираясь всем телом. Со всею силой своего высокого роста и могучих плеч она посадила мальчика на стул у флигеля и грозно сказала:

– Я жду, жду его, думаю – еще в классе, а он изволит гримасничать, как фигляр какой-нибудь. – И, с презрительной миной обратясь к старичку, который, как школьник, уткнулся в книгу, она прибавила: – А как вам-то не стыдно?

Затем, быстро отвернув голову, подошла к девушке, низко склонившей голову над работой, с готовностью принять грозу, уже тяготеющую над ней.

– А вы, сударыня! – воскликнула высокая женщина, дурно скрывая свой гнев и, однако, стараясь придать своему голосу более ровности. – Вспомнили бы, что едите чужой хлеб, носите чужое платье! хоть бы из деликатности, коли в вас нет благодарности, слушались ваших благодетелей. Не зевали бы по окнам, а работали бы.

Изливая таким образом свой гнев, высокая женщина всё ближе и ближе подходила к девушке. Сдерживая ускоренное дыхание, бедная девушка сжала свои губы, на которых как бы блуждала улыбка; щеки ее горели, а дрожащей рукой она ловила бисеринку, которая упорно увертывалась от нее.

Голос высокой женщины всё возвышался, лицо пылало гневом. Она продолжала:

– Я вас проучу, сударыня, я заставлю вас не улыбаться, а плакать, когда вам говорят дело. Взятая из милос…

Но тут она была прервана сильным стуком крышки флигеля и диким криком: то кричал молодой человек, кусая свою руку и подпрыгивая.

Высокая женщина кинулась к нему; в минуту гнев исчез с ее лица, смененный испугом. Она озабоченно смотрела на мальчика, повторяя:

– Всё твои шалости!

И она хотела было дотронуться до его руки; но он дико вскрикнул: «Ай, больно!» – и уклонился.

– Воды холодной и уксусу, скорее, скорее! – отрывисто проговорила высокая женщина, подавая связку ключей девушке, подбежавшей к ней.

Вода и уксус были принесены, и ушибленная рука молодого человека обвязана. Через пять минут он сидел у круглого стола за книгой, а высокая женщина – против него с аршинными спицами, которыми она вязала шерстяной шарф. В комнате воцарилась тишина, нарушенная, впрочем, очень скоро сильным ударом, которым наградил себя в лоб мальчик, пре-

следуя докучливую муху. Неожиданная его выходка рассмешила девушку; но смех ее был приостановлен грозным взглядом высокой женщины и повелительным восклицанием:

– Читай вслух!

Молодой человек повиновался. Но он читал то басом и необыкновенно скоро, то пищал, коверкая немецкие слова (он читал по-немецки) так уморительно, что, кроме высокой женщины, все едва удерживались от смеху. Потеряв терпение, она вырвала у него книгу и, отбросив ее, сказала грозно:

– Погоди, голубчик, перестанешь ты у меня тешить ленивицу, дай приехать ему!

Казалось, эта угроза подействовала на шалуна: он оперся на стол руками, затянутыми в узкие и короткие рукава курточки, положил на них голову и стал смиренно глядеть за бегающими по столу мухами. Все углубились в свои занятия; девушка случайно подняла голову и встретилась глазами с молодым человеком: на лицах у обоих, как молния, мелькнул смех; она подавила его кашлем, а он разразился истерическим взрывом хохота.

Высокая женщина и старик вздрогнули; отбросив свое вязанье и сложив руки, первая с недоумением глядела на смеющегося юношу, который зажимал рот больною рукой.

– Чему ты смеешься? – запальчиво спросила она.

Он, вспрыгивая, забарабанил по столу обвязанной рукой.

– А-а-а! у вас, кажется, вся боль прошла от смеху? – сказала язвительно высокая женщина и, освидетельствовав его руку, с сердцем толкнула шалуна к флигелю, проворчав: – Смеет обманывать!

Но он не унимался: сидя за флигелем, он поминутно сморкался и принужденно кашлял, поглядывая искоса на девушку.

– Вы, кажется, сегодня решились меня бесить; но вам не удастся – вон отсюда!! – сказала повелительно высокая женщина.

В голосе ее было столько силы и твердости, что юноша потупил глаза, но, однако ж, не двигался с места.

– Я тебе говорю! – с нетерпением прибавила она.

– Я виноват, больше не буду! – покорным голосом отвечал он и взял аккорд.

– Не хочу слушать ваших извинений! – проговорила более кротким голосом высокая женщина и, повернувшись спиною к флигелю, стала вязать.

Молодой человек играл с большим одушевлением; в его игре видно было также много механического труда. Он разыгрывал одну из сонат Бетховена. Трудно было поверить, что это был тот самый шалун, который за минуту вел себя так детски. Нежные черты его лица приняли задумчивое и печальное выражение. Голубые глаза быстро перебегали от нот к клавишам. Брови его слегка сдвинулись, и вся его фигура возмужала и дышала энергией. Часа два он без умолку играл. Высокая женщина, оставив свое вязанье, неподвижно его слушала. Девушка по временам поглядывала на играющего и на слушающих его, и улыбка блуждала на ее веселом лице. Старичок сладко спал в своих креслах. Заметив, что играющему жарко, высокая женщина глазами приказала девушке открыть окно, у которого она сидела.

Пробило с громом семь часов. Высокая женщина сочла их и ласково произнесла:

– Довольно, Петруша!

Но играющий не обращал внимания на ее слова: он продолжал играть; зато старичок при голосе высокой женщины пугливо проснулся и вопросительно глядел на нее. Она повелительно сказала, обращаясь к девушке:

– Прикажите давать чай!

Играющий остановился, встав из-за флигеля, подошел к высокой женщине и поцеловал ее в плечо. Вся суровость и холодность исчезли с ее лица. Она с любовью расправила взмокшие волосы, прильнувшие к пылающему лбу Петруши.

– Тетенька, – сказал он, – мы будем пить чай на террасе? здесь так душно!

– Да, ты весь в испарине.

И тетка вытерла ему лоб своим платком.

__ Ничего! посмотрите, как тихо в саду! – подходя к раскрытому окну, сказал Петруша, и вдруг его лицо приняло прежнее детское выражение; он выбежал из залы, говоря: – Я, тетенька, велю готовить чай на террасе!

Тетка не успела кивнуть головой в знак согласия, как Петруша уже был в саду и неимоверными прыжками пустился бежать по аллее, ведущей к мостику. За несколько шагов он был остановлен криком «Стой!», и девушка, смеясь, выскочила из-за куста.

Они схватились за руки, стали ровно в линию и, переглянувшись, ударили три раза в ладоши, протяжно произнося: «Раз… два… три!» Затем с веселым криком пустились они бежать через мостик в ту часть сада, которую правильнее назвать лесом. Они бежали не переводя духу, поддразнивая друг друга; наконец девушка, обняв руками небольшую тонкую березку, радостно закричала:

– Я первая, я первая!

– Я второй, я второй! – обнимая деревцо, смеясь и подражая голосу девушки, кричал Петруша.

– Ах! потише, Петруша! – сказала девушка и стала оправлять свою слегка помявшуюся пелеринку.

Петруша насмешливо глядел на нее.

– Да вам, кажется, нравится, – продолжала она, – когда ваша тетенька бранит меня, что я скоро пачкаю пелеринки!

– А хорошо я ее надул? – с гордостью спросил Петруша, и, скача с ноги на ногу, он жалобно пищал: – О! больно, больно!

И оба расхохотались.

– Однако пойдем домой: может, уж нас ищут! – пугливо сказала девушка.

И, перейдя мостик, они пошли к дому разными дорожками.

На террасе, у стола, за самоваром, уже сидела высокая женщина, когда девушка подходила к дому. Петруша первый подошел к столу и сел подле сухой фигуры с длинным неподвижным лицом, желтыми жидкими волосами и серыми злыми глазами, быстро бегавшими. Этот человек был так тощ, как будто его готовили для гербариума. Длинная его шея, как пучок проволоки, затянута была в белую пожелтевшую косынку, под цвет его лицу. Старинный синий фрак с медными пуговицами был ему видимо широк; зато нанковые сиреневые узенькие панталоны обрисовывали не только его высохшие ноги, но и голенищи его топорных сапогов. Канареечного цвета жилет дополнял его наряд. То был учитель Петруши. Чахоточная, маленькая, сероватого цвета женщина сидела возле него, робко глядя на всех. Что-то жалкое и страдальческое было в ее фигуре. То была подруга его жизни.

Во время чаю, кроме Петруши да его тетеньки, никто не говорил. По окончании чаю учитель отвесил поклон и удалился; за ним последовала его жена, сделав неловкий реверанс хозяйке. Старичок медленно прохаживался по саду с Петрушей и девушкой, а высокая женщина, сидя на террасе, рассуждала с ключницей.

Глава II
Учитель

Высокая женщина была полная хозяйка в доме своего единственного брата, который был в отсутствии в эту минуту. Он не был вообще домоседом; зато сестра во всю жизнь не более двух раз выезжала из деревни в ближайший город, и то на короткое время. Воспитанная строгой мачехой, которая славилась по всей губернии своим искусством хозяйничать и примерной экономией, Настасья Андреевна (так звали высокую женщину) в четырнадцать лет окончила свое образование. Она не умела читать и писать правильно, зато обладала обширными познаниями в хозяйстве. Она знала все тайны и уловки скотниц и поваров, разные соленья, варенья, делание цукатов и уксусу… впрочем, трудно перечесть, что знала она по хозяйственной части… считала отлично, даже на счетах. В лучшую свою пору она была бы недурна собой; но отсутствие моциона быстро развивало в ней полноту, которая не шла ни к летам девушки, ни к сложению, и без того плотному, да и характер у нее был довольно тяжелый. Для нее не существовали удовольствия молодой девушки. Она не любила даже быть с равными по летам и очень скучала редкими своими выездами. Она была самолюбива, и ее оскорбляло незавидное положение в обществе. Не умея вести разговора с мужчинами, которые изредка к ним приезжали, дурно танцуя, не имея, по скупости мачехи, нарядного туалета, она сделалась равнодушна к удовольствиям своих лет прежде, чем испытала их, и не только полюбила свою незавидную жизнь, но даже не постигала другой жизни вне кладовых и хозяйственных работ, которыми занимали ее с утра до ночи.

Выше всего ставя экономию и умение хозяйничать, мачеха была совершенно довольна апатичным характером Настасьи Андреевны, но считала всё-таки нелишним ежедневно читать ей наставления касательно бережливости и т. п. Старуха видела в падчерице залоги хорошей хозяйки и внутренно радовалась им, но ворчала, по привычке, «что она своей щедростью сделает ее нищей».

Мать Настасьи Андреевны умерла при самом рождении дочери. Отец женился во второй раз и через год тоже умер, оставив вторую жену полной распорядительницей имения до совершеннолетия детей. Всё в доме изменилось, и скупой характер мачехи не замедлил проявиться.

Оставшись вдовой, опекуншей двух малолетних детей, она с помощью бережливости привела расстроенное их имение в цветущее состояние, но зато страшно высохла душой. Никакие чувства вне хозяйственного интереса не существовали для нее, и она ревновала свою падчерицу, как страстно любящая женщина, ко всему, кроме хозяйства. Девушке строго воспрещены были чтение и музыка, к которой она оказывала большое расположение, – единственная склонность, какую в ней замечали. Но старуха видела в музыке явный подрыв своему благосостоянию, и только в редкие свободные часы дозволялось Настасье Андреевне садиться за избитые пятиоктавные клавикорды. Безжизненное, холодное лицо Настасьи Андреевны одушевлялось, небольшие глаза ярко горели, если ей случалось по слуху разыграть какой-нибудь вальс или романс.

Брат Настасьи Андреевны был старше сестры только годом; но молчаливый, серьезный характер делал его старым не по годам. Он также весь предан был хозяйственным делам – ходил в молотильню, на мельницу, по конюшням и мог заменить искусного управляющего по своей распорядительности и строгости. Между братом и сестрой не существовало дружбы, даже подобия этого чувства. Впрочем, тому много способствовало их воспитание. Едва Настасья Андреевна начала помнить себя, как ей приказано было брату своему говорить «вы» и слушаться его во всем. Играть им не позволялось ни вместе, ни порознь. Всё развлечение их состояло в соревновании – кто скорее и вернее вычислит или сложит ту или другую арифметическую задачу. К тому же зависть, так свойственная в детях к похвалам родных, много охлаждала их.

И надо сознаться, что старуха с необыкновенным искусством умела поджигать рвение их к хозяйству. С тонким расчетом хвалила она то одного, то другую гостям своим, высчитывая их экономические подвиги.

Однако, как ни откладывалось воспитание сына, но наконец мачеха увидела, что оно необходимо. Она стала приискивать гувернера. Судьба, казалось, заботилась о скупой старухе. За самую незначительную сумму взялся приготовить мальчика молодой и очень образованный иностранец. Вот как было дело. Богатый сосед, возвратись из-за границы, привез с собой молодого человека родом из Германии. Помещику нравились восторженность его характера, его громадные надежды на будущее, которыми он жил, не заботясь о настоящем. Познакомясь с ним за границей, богатый барин привез его в деревню больше для компании, чем для управления своим оркестром. Но, идеалист по натуре, немец ничего не видел: он думал, что страсть к музыке скрепила их узы, и только глубокий сон, в который погружался иногда его меценат среди концерта, смущал мечтателя. Дирижируя деревенским оркестром, он воображал, что занимает столько же важный пост, как шеф какого-нибудь европейского оркестра, и, садясь за фортепиано играть перед дремлющим своим меценатом, дрожал и менялся в лице, будто тысячи дилетантов собрались слушать его. Немец имел несчастную слабость, свойственную многим, – придавать излишнюю важность тому, чем занимался. Самолюбие было причиною тому, а может быть, и страсть к искусству. Некоторые странности и неровности в характере мецената с избытком выкупались привольною жизнью. Немец прожил так с полгода, как вдруг совершенно неожиданно покровитель его упал со стула и покончил дни свои. Удар был двойной. Немец очутился без гроша денег и в чужой земле. Разделив инструменты по равной части, наследники не обратили внимания на несчастного распорядителя их, который принужден был приютиться из милости у старого управляющего. Чужой хлеб горек, и как только открылось первое место, немец с радостью взял его. Нужда заставила его избрать другой путь: вместо композитора и капельмейстера, он сделался гувернером у скупой и сварливой старухи. Но, поступив к ней в качестве учителя, он не мог отказаться от своих мечтаний. Заметив расположение к музыке в Настасье Андреевне, учитель стал заниматься с ней. Расчет победил в старухе нелюбовь к музыке, и она очень обрадовалась, что даром обойдется музыкальное образование падчерицы. Там, где другой увидел бы только способность к музыке, восторженный немец провидел нечто необыкновенное. Ему вообразилось, что судьба призвала его к завидному подвигу – образовать будущую знаменитость. Невеселая его жизнь у старухи приняла характер, полный интереса, и когда приходила ему мысль переменить место, совесть останавливала его: он боялся погубить талант, который действительно был в Настасье Андреевне.

Избитые пятиоктавные клавикорды терзали учителя: он потребовал другие, угрожая в противном случае прекратить музыкальные уроки. Но скупую старуху нисколько не испугала такая угроза; она даже обрадовалась, потому что Настасья Андреевна, слишком ревностно занимаясь музыкой, делала иногда упущения по хозяйству. Видя, что угрозы не действуют, учитель сделал старухе следующее предложение: купить флигель пополам; но как у него не было денег, то предоставлялось ей право вычитать из его жалованья; если же он отойдет, то флигель остается ей.

Не скоро решилась старуха на такое выгодное предложение; но когда привезли флигель, она не могла налюбоваться им, облекла его в серый суконный чехол и объявила, что позволяет играть на нем не более одного раза в неделю – по воскресеньям.

Немец страшно рассердился и отвечал, что вносит свою сумму на том же условии: флигель останется ей, когда он отойдет, лишь бы теперь им пользоваться. Страх потерять дешевого учителя заставил старуху согласиться, и флигель был перенесен из залы в классную, возле комнаты учителя и его ученицы. Тут только началось серьезное ученье. Так как днем мало было времени у Настасьи Андреевны, то она занималась музыкой по ночам, как только старуха ложилась спать и отпускала ее.

Прошло два года. Настасья Андреевна сделалась совершеннолетней девицей. Она говорила довольно развязно по-немецки; полнота ее исчезла, черты лица стали помельче и понежнее; в глазах появился блеск; вся фигура как будто переродилась, ожила. Ее начали огорчать и доводить до слез упреки старухи в расточительности, которая, впрочем, была совершенно вымышленная, и если в чем проявлялась, так разве в лишнем куске сахару, положенном в стакан учителю.

Брат Настасьи Андреевны учился лениво, потому что внимание и все способности его были настроены к предметам коммерческим и хозяйственным. Он скупал мед, перепродавал его, жил на полях в рабочую пору, – словом, ему было не до книг. Но мачеха благоразумно рассуждала, что деревенская деятельность не может принести значительных выгод его жизни, и стала готовить сына в полк. Эта весть как громом поразила учителя. Он ужаснулся при мысли, что должен бросить свои надежды, которые успели уже пустить глубокие корни в его мечтательном сердце. Немец возмечтал создать из своей ученицы знаменитую виртуозку… и сколько славы, сколько радостных и высоких волнений обещало ему будущее! Часто, строя свои воздушные замки, он уже видел огромную, ярко освещенную залу, полную публикой. Он подводит к роялю свою ученицу – ее встречают рукоплесканиями. Она играет – ее слушают с восторгом; она кончила – зала потрясается криками; их вызывают обоих, забрасывают букетами! На другой день газеты наполнены похвалами ему и его ученице. Его жертвы, борьба, труды – всё, всё вычислено. Подобным мечтам не было конца в непрактической голове учителя. В вечном деревенском однообразии, среди вечных мелочей узкой и бедной жизни Настасья Андреевна была его будущее, его слава. И нелегко было ему вдруг расстаться с мечтами, которые он лелеял и развивал целые четыре года!

Но еще тяжелее отразилась роковая весть в сердце Настасьи Андреевны: она приняла ее, будто весть о близкой смерти своей. В первый раз в жизни она всю ночь металась в постели без сна, горько-горько рыдая. Встав утром, она почувствовала тягость, даже отвращение бежать в кладовые, выдавать повару провизию весом и мерой; однако привычка была так сильна, что она выполнила свои обязанности аккуратно и в положенный час сидела перед самоваром. Старуха заметила волнение и недавние слезы падчерицы, но промолчала, может быть приписав их разлуке с братом. Днем, за хлопотами, Настасья Андреевна не успела даже поговорить с учителем; зато когда старуха легла спать, она до усталости играла под руководством грустного своего учителя. Они оба молчали о предстоящей им разлуке, как бы страшась ускорить ее.

Настасья Андреевна сделалась рассеянна. Старуху страшно испугала такая перемена. Она удвоила свою строгость и стала подвергать падчерицу неожиданным экзаменам: вдруг поручала ей вынуть из сундука штуку холста, вытканную таким-то ткачом в таком-то году, давала ей огромную связку ключей и сама следовала за нею. Если падчерица ошибалась и отпирала не тот сундук (а их было до двадцати), то получала жестокий выговор.

День отъезда приближался; накануне его учитель и Настасья Андреевна часов в десять вечера, когда все улеглись спать, сели за флигель. Учитель просил ее сыграть любимую его сонату Бетховена, потом сам играл ее, и они не заметили, как настала ночь, о которой известил их бой часов внизу. Учитель встал из-за флигеля, начал что-то говорить, но не мог: так сильно было его волнение. Он поклонился низко Настасье Андреевне и вышел. Настасья Андреевна, бледная и дрожащая, с потупленными глазами, несколько минут стояла неподвижно, потом села к роялю, прильнула головой к нотам и долго-долго оставалась так. Когда она приподняла голову, отчаяние разлито было на ее бледном лице. Машинально и тихо одной рукой перебирала она клавиши, потом стала играть громче и громче; щеки ее запылали, грудь высоко поднималась; а слезы, увлажив ее глаза, придавали ей вид вдохновенный. Она играла свое сочинение и так увлеклась игрой, что не замечала встревоженной и бледной фигуры своего учителя, который сначала слушал тихонько у дверей, потом стал приближаться и наконец очутился у

стула своей ученицы. Лицо девушки, быстро изменяясь, выражало то восторг, то отчаяние. Почувствовав присутствие учителя, она вскрикнула и закрыла свое пылающее лицо руками.

– О, продолжайте, продолжайте! прекрасно, прекрасно!.. Боже мой, и я должен ее оставить! – заговорил учитель с сильным одушевлением. – Есть, – продолжал он, дрожа всем телом, – есть две ошибки в вашем сочинении. Сыграйте еще раз!

Настасья Андреевна молчала.

– Где ноты, где! покажите мне их! – нетерпеливо твердил учитель.

Настасья Андреевна радостно улыбнулась, отняв руки от лица, и робко спросила:

– Вам нравится?

– Повторите скорее!

Ученица поспешно обратилась к клавишам. По окончании игры учитель забегал по комнате, ломая руки и говоря с отчаянием:

– И я должен оставить ее без всякого руководства!.. нет, я не могу, не вынесу, – это невозможно!

И, обратись к Настасье Андреевне, он протянул ей руку. Ученица пугливо смотрела на учителя и, с пылающим лицом, робко, нескоро подала ему свою руку, которую он с жаром поцеловал. Настасья Андреевна вся вспыхнула и быстро села на стул, в волнении осматриваясь кругом. Учитель ничего не замечал; он с жаром говорил:

– Я отдам всё, я соглашусь на всё, чтобы остаться при вас!

Настасья Андреевна вскочила со стула, в недоумении глядя на учителя, который продолжал:

– За самую ничтожную плату я соглашусь…

При этих словах Настасья Андреевна горько зарыдала.

– Не плачьте, не горюйте, если любовь ваша сильна…

Настасья Андреевна замолчала и подняла гордо голову.

Учитель продолжал:

– Повторяю вам, если ваша любовь к музыке сильна, употребите всё, всё, только не бросайте, не бросайте ее!

И учитель сложил руки, будто прося пощадить его жизнь. В лице Настасьи Андреевны выразилось прежнее недоумение.

– Надо, надо ей ехать за границу! – говорил он, рассуждая с самим собой. – Она рождена быть артисткой, у ней все залоги великой будущности… О, поезжайте, поезжайте! не губите своего таланта!

Он чуть не плакал, произнося последние слова. Настасья Андреевна ничего не понимала.

– Куда ехать? – пугливо спросила она.

– Боже мой! за границу.

Настасье Андреевне вдруг показалось в темном углу строгое лицо мачехи, вооруженной связкою ключей. Она покачала головой.

– Просите, умоляйте ее! – сказал учитель.

– Я… я не смею! – грустно и решительно ответила Настасья Андреевна.

Учитель замолчал, печально повесив голову на грудь. Долго они просидели молча. Он первый прервал молчание, сказав:

– Я надеюсь, я даже уверен, что мы еще будем продолжать наши уроки. Я иначе не возьму места, как по соседству вас, с условием, чтоб я мог хоть раз в неделю, хоть раз в месяц приезжать к вам.

– Неужели… да будет ли возможно? – радостно заметила Настасья Андреевна.

– Я всё употреблю; но самое лучшее, если бы…

Учитель тяжело вздохнул и тихо продолжал:

– Если бы ваша мачеха согласилась взять меня хоть в управляющие.

На лице Настасьи Андреевны показался испуг, и она потупила глаза.

– Я на всё согласился бы!.. – продолжал учитель, вопросительно глядя на нее.

Она не знала, куда деться, не смела поднять глаз. Учитель молчал.

На лице Настасьи Андреевны выражалось страшное волнение; она, казалось, хотела что-то сказать, но не решалась.

Время между тем шло, свечи давно догорели, и дневной свет освещал комнату. Опомнясь, она с ужасом вскрикнула:

– Боже, уж светло!

– Да, пора укладываться! – печально сказал учитель и медленно вышел.

Настасья Андреевна как прикованная осталась на своем месте. Учитель скоро возвратился, таща запыленную корзину, наполненную нотами. Поставив ее у ног своей ученицы, он сказал дрожащим голосом:

– Вот всё, что я могу оставить вам. Флигель принадлежит вашей мачехе. Прощайте!

Настасья Андреевна страшно побледнела и сжала свои губы, как будто стараясь удержать стон.

– Ах! – сказал учитель. – У меня есть еще одна вещь, которую я, кроме вас, никому, никому не отдал бы!

И он поспешно вышел.

Настасья Андреевна склонила голову на подушку дивана, и из ее груди вырвался стон; но учитель опять вошел в комнату, и она собрала все свои силы, чтоб казаться спокойною.

Учитель подал ей нотный лист с поправками, обделанный в рамку под стеклом. То был факсимиль Бетховена.

Настасья Андреевна не решалась брать: она знала, как дорожил им учитель.

– Возьмите, возьмите! – сказал он. – Вы имеете право иметь его.

Она радостно взяла листок и глазами поблагодарила его, потом робко вынула из кармана нотный листок, тоже исписанный, но весьма тщательно, и, вспыхнув, сказала, подавая его учителю:

– А я… я сочинила прощальный вальс…

Учитель быстро бросился с нотным листком к флигелю и стал его разыгрывать, по временам делая поправки карандашом. Потом он пригласил ее играть в четыре руки (так был написан вальс). Они повторяли его раз десять; учитель хвалил его. Настасья Андреевна была счастлива.

Солнце взошло и осветило утомленные лица играющих. Горничная Настасьи Андреевны вошла в комнату и пугливо сказала:

– Барышня, барыня встает!

Настасья Андреевна вздрогнула, выскочила из-за флигеля, но в ту же минуту опять села и покойно сказала:

– Хорошо!

Горничная вышла.

– На вас будут сердиться: идите! – заботливо заметил учитель.

– Пусть сердятся! – холодно отвечала Настасья Андреевна и с отчаянием прибавила: – Может быть, в последний раз мы играем…

И она поспешила заглушить эти слова громким аккордом.

Горничная опять вошла в комнату, сказав:

– Барыня вас зовет!

– Иду! – твердо отвечала Настасья Андреевна.

И, дождавшись, когда горничная вышла, она схватила руку учителя, с чувством пожала ее и выбежала из комнаты.

Настасья Андреевна была встречена строгим и пытливым взглядом старухи, за которым следовал вопрос:

– Что это значит? вас нужно ждать!

Настасья Андреевна молчала.

– Всё ли готово для вашего брата? – оглядывая ее с ног до головы, тем же тоном спросила старуха.

– Еще с вечера всё было уложено, – отвечала Настасья Андреевна.

– Отчего же вы опоздали к чаю?.. – спросила старуха таким тоном, что Настасья Андреевна побледнела.

Приход учителя и брата прекратил тяжелую сцену. Настасья Андреевна занялась чаем.

За минуту до отъезда молодого барина дворня явилась в залу прощаться с ним. Старуха в слезах благословила сына и прочла ему наставление, которое заключилось поцелуями, длившимися с четверть часа.

Когда Настасья Андреевна стала прощаться с братом, которого она в первый раз теперь поцеловала, ей сделалось так грустно, так грустно, что она горько заплакала. Казалось, чувство, столь естественное между братом и сестрой, только теперь пробудилось в ней. Но слезы вдруг высохли, сердце замерло, дыхание стеснилось в груди – при грустных словах: «Прощайте, Настасья Андреевна!», произнесенных учителем; бедной девушке стало так тяжело, так страшно, что она готова была вскрикнуть; но и голос замер. В ту же минуту она вздрогнула, застигнутая пристальным взглядом старухи; поспешно и холодно простилась она с своим учителем.

На крыльце было новое прощанье, новые слезы. Наконец под общий крик «Прощайте» экипаж двинулся со двора.

Настасья Андреевна, не обращая внимания ни на кого, полными слез глазами следила за удалявшимися, и когда ничего не было видно, она с рыданием убежала в свою комнату. Ее позвали вниз, к мачехе. Старуха лежала уже в постели и болезненным голосом сказала ей:

– Вы уж даже не хотите побыть при мне, тогда как я убита разлукой с ним!

– У меня болит голова! – отвечала Настасья Андреевна.

– Голова болит?? – насмешливо заметила старуха и строго продолжала: – А я вся больна, вся убита горем!

Настасья Андреевна села у постели. Старуха охала, морщилась, поминутно подносила платок к глазам. Наконец она прервала молчание и печально сказала:

– Теперь наши едут, бедненькие; я думаю, тоже горюют, как и мы. А-а, ох!

И она тяжело вздохнула, продолжая всё тем же ласково-печальным голосом:

– Книги в целости сдал Эдуард Карлыч? а?

Да-с! – отвечала Настасья Андреевна и страшно смешалась: то была ее первая ложь.

– Признаться, мне жаль было расставаться с Эдуардом Карлычем: он честный человек.

Настасья Андреевна в недоумении посмотрела на старуху: в первый раз она слышала похвалу учителю, которого старуха обыкновенно называла расточителем.

Разговор опять остановился; старуха прервала его следующими словами:

– Куда-то он, бедненький, денется? есть ли у него место?..

Настасья Андреевна быстро отвечала:

– У него нет места; он просил…

Она не могла докончить своей фразы; губы у ней задрожали, и, объятая ужасом, она привстала со стула, глядя на старуху, которая медленно приподымала голову с подушек и язвительно улыбалась; за улыбкой следовал тихий смех, окончательно оледенивший Настасью Андреевну.

Старуха встала с постели и повелительным жестом указала ей на дверь.

У Настасьи Андреевны подкосились колени; она упала к ногам старухи, которая холодно и с презрением сказала:

– Я вас видеть не хочу!

И опять указала на дверь.

Настасья Андреевна сделала умоляющий жест, но, встретив неумолимо холодные глаза мачехи, с трепетом вышла из комнаты.

С того вечера в продолжение целого месяца Настасья Андреевна не слыхала слова от своей мачехи, – и между тем находилась постоянно при ней. Прощаясь, здороваясь, она брала руку старухи, чтоб поцеловать ее; но всякий раз старуха с сердцем выдергивала свою жесткую руку. Гнев мачехи приводил бедную девушку в отчаяние; она чувствовала невыносимую тоску, худела с каждым днем, наконец слегла в постель. Болезнь падчерицы смягчила старуху, тем более что некому было заниматься хозяйством: выдавать провизию, записывать каждую крошку и вести счетные книги; боль в ногах лишала ее возможности самой всюду присутствовать. Старуха пришла наверх и позволила падчерице поцеловать свою руку, которую Настасья Андреевна облила горькими, нервическими слезами. Болезнь продолжалась с неделю. Настасья Андреевна, еще слабая, встала с постели, полная рвением скорее приступить к выполнению своих обязанностей по хозяйству. Мачеха вздохнула свободнее, и грифельная доска, висевшая у ее постели, каждый день исписывалась двойным числом приказаний, которые падчерице следовало исполнить по хозяйству в течение дня.

Вечером обыкновенно старуха ложилась в постель, а Настасья Андреевна садилась к столу и под диктовку писала счеты расхода и прихода.

Раз вечером, погруженные в такое занятие, они заслышали вдали звук дорожного колокольчика. Была осень, и очень дождливая; к тому же и час уже довольно поздний; трудно было предположить гостей, которые, впрочем, иначе не ездили к ним, как в торжественные дни. Однако ж колокольчик всё приближался. Настасья Андреевна превратилась в слух, а старуха в недоумении говорила:

– Кто бы мог быть?

Когда звук колокольчика замер у ворот, Настасья Андреевна вся вспыхнула, выскочила из-за стола и бросилась из комнаты, преследуемая удивленными глазами мачехи. Но Настасье Андреевне было не до того: она всё забыла. Сердце ее билось с такой силой, что она не могла дышать; слезы душили ее. Она не понимала, что с ней делается, а между тем переживала минуту, может быть, самую счастливую в своей жизни. Забыв свою робость, с силою сжала она руку учителя, встреченного в прихожей; он отвечал ей таким же пожатием.

Гость был принят хозяйкой вежливо, даже излишне любезно, так что ему в тот вечер не осталось времени поговорить с Настасьей Андреевной, которая не переставала улыбаться и жадно ловила каждое слово учителя. После ужина он пошел спать, а Настасья Андреевна долго еще была задержана старухой, которая очень ласково разговаривала с ней…

Когда Настасья Андреевна вошла в свою мрачную комнату, в которой свободно могла предаться своей радости, она в первый раз в жизни запрыгала, запела, кинулась к комоду, стала доставать бедные свои наряды. Ей хотелось быть завтра лучше, красивее. Но из страху она не решилась выбрать платья понаряднее и только чистым рюшем обшила ворот того же платья, которое носила в обыкновенные дни. Ложась в постель, она так была счастлива, что всё прежнее горе казалось ей сном. Долго она не спала, мечтая о завтрашнем дне.

Рано утром она была пробуждена легким звуком привязанного колокольчика под своим окном, которое было над крыльцом. Невольно вскочила она с постели и кинулась к окну. Ужас изобразился на ее лице; она дико глядела на телегу, в которую усаживался учитель, плотно закутанный в шинель. Утро было туманное и холодное, осенний мелкий дождь порошил в воздухе. Настасья Андреевна, забыв всякую предосторожность, раскрыла форточку и, высунувшись из нее, хотела кричать; но голосу у ней недостало. Телега тронулась, и Настасья Андре-

евна в отчаянии бросилась к двери, забыв, что она в ночном туалете. На пороге, лицом к лицу, она столкнулась с мачехой, которая, загородив ей дорогу, строго спросила:

– Куда?

Настасья Андреевна молчала и глядела такими странными глазами, как будто перед ней стояла женщина, которую она в первый раз видела.

– Выпей воды и сядь! – повелительно сказала старуха.

И, взяв Настасью Андреевну за руку, привела к постели, на которую взволнованная девушка упала без чувств.

Опомнясь, Настасья Андреевна открыла глаза и увидела свою мачеху, сидевшую возле нее. Старуха холодно спросила:

– Лучше ли тебе?

– Да-с, – пробормотала Настасья Андреевна.

– Останься в постели! – строго заметила старуха и встала, готовая идти.

Ужас овладел Настасьей Андреевной при мысли, что она узнала тайну ее сердца; она вскочила с постели и, ухватясь за колени мачехи и целуя их, умоляющим голосом закричала:

– Маменька, маменька!

– Что это за сцены? – грозно и пугливо сказала старуха.

– Я виновата! – рыдая, отвечала Настасья Андреевна.

– Знаю, знаю, ты больше его не увидишь.

Настасья Андреевна вскрикнула и закрыла лицо руками.

– Вот до чего довела твоя ветреность!

– О, божусь вам, божусь, он даже не знает! – ломая руки, вскрикнула Настасья Андреевна.

– Замолчите! – строго прервала ее мачеха и быстро пошла к двери, сказав: – Вы знаете мое мнение о таких девицах!..

И она вышла, оставив свою падчерицу посреди комнаты, на коленях, убитую стыдом и страхом.

Настасья Андреевна долго хворала. Как только она стала поправляться, мачеха объявила ей, что за нее сватается их сосед, и спросила, желает ли она выйти за него.

Настасья Андреевна решительным голосом отвечала:

– Нет.

– Почему? – спросила старуха, сопровождая свой вопрос таким взглядом, что Настасья Андреевна долго стояла потупив глаза; когда она приподняла голову, в лице ее столько было страдания и решимости, что мачеха торопливо сказала:

– Ну, что же?

– Я прошу одного – позвольте мне навсегда остаться при вас; я ни за кого не пойду замуж.

– Это твое твердое намерение?

– Да! – тяжело вздохнув, отвечала Настасья Андреевна.

– Хорошо! я не буду тебя принуждать. Но помни свои слова. Я их не забуду! – торжественно произнесла старуха.

И с этого дня обхождение ее с Настасьей Андреевной сделалось прежнее. Это воскресило Настасью Андреевну; она удвоила свое старанье и заботы по хозяйству. Дав обещание не выходить замуж, Настасья Андреевна сделалась разом как бы пожилой женщиной. Наружность ее приняла характер холодный, даже суровый. Она стала взыскательна, даже строга с людьми. Улыбка не оживляла ее лица; в минуты, когда она долго оставалась за флигелем, черты ее смягчались и как бы слезы увлажали ее глаза; но потом, и очень скоро, лицо ее снова принимало ледяное выражение, которое с годами сделалось в нем почти постоянным.

Глава III
Приемыш

Прошло несколько лет. Настасья Андреевна превратилась не только в зрелую, но даже и сварливую деву. Бережливость и экономию ее можно было назвать скупостью, требовательность порядка – сварливостью. Казалось, дряхлая мачеха оживала во всем блеске в своей падчерице.

Жизнь их не отличалась разнообразием. Казалось, они жили в степи: даже самые близкие соседи не заглядывали к ним. Кроме уездного доктора да приходского священника, других гостей не знала Настасья Андреевна. Врат Настасьи Андреевны, Федор Андреич, изредка приезжал в отпуск повидаться со старухой и с сестрой; но посещения его, при всей любви к нему, мало доставляли радости бедной девушке. Характер его был молчалив и взыскателен; суровость в минуты гнева доходила до крайней степени. Только хлопоты увеличивались: надо было угодить брату, любившему хорошо покушать, и скупой старухе, не любившей лишних издержек. Никогда не допустила бы она и малейшей роскоши, если б не боялась Федора Андреича, который был уже совершеннолетний и мог сам распоряжаться имением своего отца, потребовав отчета у опекунши. К счастию, посещения его были так редки, что строгий порядок не мог поколебаться в доме. По целым годам подушки дивана в гостиной не знали прикосновения человеческой руки; равно и губы хозяек, казалось, забыли о существовании улыбки. Каждая неодушевленная вещь вместе с владетельницами преждевременно старелась.

Наконец случилось следующее происшествие.

В одно зимнее утро Настасья Андреевна, закутанная в кацавейку, обшитую мехом, вподобие горностая, в капоре и теплых больших сапогах, расхаживала по двору с несколькими дворовыми лицами, обозревая кладовые и амбары. У ворот остановились салазки, запряженные тощей клячей; в них сидела женщина в тулупе с ребенком на руках. Появление каждого нового лица, даже из крестьян, было событием в доме. Неудивительно, что Настасья Андреевна тотчас послала ключницу спросить, кого и чего надо приехавшей женщине. Вместо всякого ответа, женщина развязала свой тулуп и поставила на ноги трехлетнего окутанного ребенка, потом сунула в его маленькие красные, как гусиные лапы, ручонки письмо, нагревшееся у ней на груди, двумя пальцами захватила красненький носик малютки; наконец перекрестила его и, подтолкнув на узенькую тропинку, перерезывавшую наискось двор, сказала ему:

– Ну, Петруша, с богом, в ножки, да не забудь, как учила!

Мальчик побежал; верно, ноги его озябли; он падал, но, поощряемый криками женщины, быстро вставал и продолжал бежать. Наконец силы его ослабли; упав в третий раз, он заплакал и не поднимался.

Настасья Андреевна подошла к ребенку, подняла его и взяла на руки. Ребенок, обвив холодными своими ручонками шею Настасьи Андреевны, внятно сказал:

– Моя матушка умерла! – И в ту же минуту прибавил, смотря на ее руку: – Дай же ляле!

Это тронуло и заинтересовало Настасью Андреевну; она подозвала женщину.

С низким поклоном женщина подала ей письмо, выпавшее из рук ребенка. Лишь только Настасья Андреевна увидала адрес, всё лицо у ней вспыхнуло. Она с удивлением оглядела ребенка, который прилежно рассматривал ее меховой воротник и, боязливо дотрагиваясь до него пальцем, повторял вопросительно:

– Кыса?! кыса?..

Настасья Андреевна поставила его на землю и начала читать письмо. Руки у ней дрожали, лицо горело. Дворня с напряженным любопытством следила за ней. Настасья Андреевна быстро надвинула капор на глаза и, не смотря в лицо ключнице, сказала:

– Отведите ее в застольную, а ребенка напойте чаем!

И она быстро пошла было к дому, забыв даже запереть кладовую, двери которой стояли настежь. Люди переглянулись, и глаза их устремились к кладовой, как будто они надеялись в ней найти разгадку тайны. Настасья Андреевна, однако, вернулась, но не затем, чтоб запереть кладовую: она взяла на руки ребенка и что-то тихо сказала принесшей его женщине, которая начала креститься и кланяться вслед удалявшейся барышне.

Ребенок остался не только в доме, но даже в комнате Настасьи Андреевны, которая долго не говорила о нем мачехе и только наконец в день своего рождения в первый раз свела его вниз. Но сухое сердце старухи не оживил и не обрадовал веселый смех ребенка. Она долго не соглашалась взять трехлетнего приемыша, страшась расходов, которые казались ей огромными. Но, увидя слезы Настасьи Андреевны и в первый раз услышав упреки, наконец позволила ребенку прикоснуться алыми губками и своей руке. С того дня Петруша сделался членом семейства. Настасья Андреевна заменила ему заботливую няньку и нежную мать. Она обшивала его сама, сама одевала, словно боясь, чтоб прикосновение другой руки не испортило его; горничные пожимали плечами, замечая, как иногда Настасья Андреевна бегала и пряталась, играя с Петрушей. Как приемыш Петруша пользовался положением исключительным. Все в доме любили его, как отвод гнева Настасьи Андреевны, и притом никому не доставалось за него, потому что он вечно был с Настасьей Андреевной, которую называл тетенькой. Под защитою ее Петруша рос весело. Федора Андреича он видел раз в год, приезжавшего повидаться с родными, и был для него совершенно чужим. Петруша любил и знал одну только Настасью Андреевну, которая гордилась этим и ревновала его ко всем, кому он оказывал расположение.

С самых ранних лет и первой наукой Петруши была музыка. Ложась спать, он горько плакал, если Настасья Андреевна не убаюкивала его своей игрой: музыка заменяла ему монотонное убаюкиванье и покачиванье колыбели.

Старуха мачеха видимо дряхлела и наконец, прохворав довольно долго, умерла, распорядившись, чтобы на будущую стирку выдали мыла полуфунтом менее, потому что весеннее солнце помогает белить. (То были последние слова скупой домоводки.)

Настасья Андреевна, оплакав старуху чистосердечными слезами, стала полной хозяйкой дома и своих действий. Но последнее было излишне в настоящую минуту. Она разучилась желать и действовать независимо, по собственному побуждению. И, не получая более хорошо знакомых выговоров и наставлений, она искренно грустила, чувствовала пустоту. Единственной целью остальной ее жизни сделался приемыш, достигший уже того возраста, когда серьезно нужно было думать об его воспитании.

После смерти мачехи Настасья Андреевна получила до ста тысяч, накопленных старухой и отказанных ей по духовному завещанию; кроме того, ей следовала седьмая часть из имения. Но она не взяла ничего, предоставив всё брату, с одним условием, чтоб он не лишал Петрушу своей любви и попечений. Федор Андреич согласился на такое условие с особенной охотою: в то время он брал значительный подряд. Дом и деревня по-прежнему остались под присмотром Настасьи Андреевны. Хотя Федор Андреич вышел в отставку и переехал в деревню, но частые отлучки не позволяли ему входить в хозяйственные распоряжения. Да и не к чему было: Настасья Андреевна заменяла ему самого отчетливого управляющего и самую аккуратную ключницу.

Характер Федора Андреича имел очень много родственного с характером покойной мачехи; в нем не было только мелкой скупости, но эгоизм еще больше; на свои прихоти он не жалел денег. Со смертью мачехи, число знакомых, ездивших к ним, не увеличилось: Федор Андреич, как и покойная старуха, не находил удовольствия в обществе. Вообще он был молчалив, равнодушно холоден с домашними и при случае очень взыскателен; особенно опасно было пренебрегать его привычками, которые играли важную роль в его характере: казалось, он ел, пил и спал по одной привычке; при нарушении их холодное равнодушие сменялось

горячностью, переходившею в тяжелый, продолжительный гнев, который обрушивался равно на виновных и невинных.

Настасья Андреевна без ропота выносила незаслуженный гнев брата. Она слишком хорошо была приготовлена к покорности. Впрочем, Федор Андреич вел жизнь кочующую; положительные причины тому не были известны сестре: он упорно молчал о своих делах. Как отъезд, так и приезд его были всегда неожиданны. Случалось, что он уезжал в ночь, не простясь с домашними, и находился в отлучке по нескольку месяцев. Писем Федор Андреич не имел привычки писать и также не изъявлял желания их получать. Часто Настасья Андреевна не знала, в какой части России находится брат. При возвращении в деревню и свидании с домашними он не обнаруживал своих чувств ни словом, ни движением, встречал сестру и приемыша, как будто накануне их видел, целовал их, говорил «здравствуйте» и мало любопытствовал знать, что они делали и как жили без него, а о себе рассказывал еще менее.

Поздоровавшись, Федор Андреич тотчас обращался к делам по деревне и счетам, которые подавала ему сестра на разграфированной бумаге, как самый аккуратный управляющий.

Сначала Настасья Андреевна, по сильной своей привязанности к приемышу, боялась, не женился бы брат; но Федор Андреич так мало обращал внимания вообще на женщин, что она скоро совершенно успокоилась.

Теперь нам следует познакомиться с остальными лицами, которых мы видели в первой главе.

Глава IV
Еще благодеяние

Однажды, после продолжительного своего отсутствия, Федор Андреич возвратился в деревню в сопровождении шестидесятилетнего старика и миловидной молоденькой девушки. Обстоятельства, которые привели в его дом старина и девочку, доказывают, что и его сердце не было чуждо доброты. Вот они. Во время пребывания по делам в Москве, Федору Андреичу случилось отдавать последний долг одному из своих коротких знакомых. Похорон были пышные, с балдахином, со множеством факельщиков и с бесконечно длинной тропинкой ельнику. Не без громких криков и всхлипываний густая толпа, вся в черном, торжественно шла за бархатным гробом; за ней тянулась бесконечно длинная вереница экипажей. Много тут было и притворно и искренно грустных лиц; но фигура Федора Андреича особенно шла к печальной процессии. Он шел, нахмурив брови и потупив глаза: то было его обычное выражение; он имел привычку на ходу обдумывать свои дела.

Погруженный в свои размышления, Федор Андреич не заметил, что уже приближался к кладбищу. Грубый голос женщины вывел его из задумчивости:

– Ну куда вы, озорники, лезете? не до вечера же нам с покойником, стоять здесь!

Федор Андреич поднял голову и очень удивился, увидав, что идет за гробом из простого дерева; гроб выкрашен желтой краской, пышного балдахина нет, – гроб стоит открыто на простых дрогах. Федор Андреич не мог понять, как случилось такое превращение, а между тем оно было очень просто. Идя в задумчивости, он поотстал от толпы, потом машинально дал дорогу бедному гробу. Но узкость улицы не позволяла ехать этому гробу рядом с богатым, он отстал, а экипажи не хотели пустить его вперед, за что женщина, сопровождавшая гроб, горячо перебранивалась с кучерами.

Федор Андреич так был поражен превращением богатого гроба в бедный, что не скоро обратил внимание на другую женскую фигуру, припавшую к гробу. Эта фигура была вся в трауре, и рыдания ее были тихи, но невольно трогали. Федору Андреичу стало досадно: оп не любил видеть горе, даже такое, которому мог пособить. И, чтоб скорей избавиться неприятного зрелища, он присоединился к крикливой женщине, приказывая кучерам дать место проехать. Заслышав повелительный голос, женская фигура подняла голову и полными слез глазами взглянула на Федора Андреича. Несмотря на всю сухость сердца, он почувствовал что-то вроде сострадания.

То была очень хорошенькая девушка лет пятнадцати, с выражением такой отчаянной грусти, что Федор Андреич почувствовал необходимость сказать ей, и как можно скорее, что-нибудь утешительное. И, указав на кареты, он произнес:

– Они сейчас проедут.

– Мы давно ждем, – отвечала девушка, отирая слезы.

И, дернув за воротник крикливую женщину, прибавила:

– Оставь их, Матренушка; мы лучше подождем.

– Ишь вы какие, барышня! этак из-за них, озорников, и обедню здесь простоишь! – гневно отвечала Матренушка и снова начала перебраниваться с кучерами.

Девушка замолчала и, облокотись на дроги, задумалась. Слезы ручьями текли по ее щекам; но она не замечала этого, погруженная в раздумье. Федор Андреич, присев на доску у забора, куда притиснуло гроб экипажами, смотрел на девушку. Наконец последняя карета проехала, и дроги двинулись; девушка и ее спутница продолжали шествие. Федор Андреич, проводив далеко глазами печальную церемонию, без бархата, карет и факельщиков, но трогающую сердце фигурой молодой девушки, пошел тихо к церкви, чтоб снова присоединиться к пышным похоронам.

Досада изобразилась на его лице, когда, подойдя к паперти, он увидел опять тот же простой гроб и девушку. Спутница ее суетилась, кричала и охала, нанимая внести гроб в церковь. А девушка тоскливо глядела на толпу, окружавшую гроб, и судорожно сжимала свои руки, как бы досадуя, зачем они так слабы, что не могут внести гроб. Но, завидев Федора Андреича, она радостно кинулась к нему и умоляющим голосом сказала:

– Пожалуйста, помогите внести гроб! Матренушка только всё разговаривает.

Федор Андреич сделал было недовольное лицо; но горькие рыдания девушки устыдили его, и он подошел к гробу, прикрикнул на спорящих с Матренушкой и собственноручно понес его с другими в церковь. Гроб поставили; девушка стала возле него. И когда сняли крышку, она как будто обрадовалась, увидев лицо покойницы, в с любовью начала поправлять помявшийся ее наряд. Пожилое лицо покойницы походило скорее на спящее, чем на мертвое. Ни одна черта на этом кротком лице не была искажена предсмертными муками; только бесконечная грусть разлита была в нем.

Грациозная фигура девушки, одинокость у гроба, молодость, искренняя и тихая скорбь, ласки, расточаемые ею покойнице, подавляемые рыдания – всё это обратило внимание присутствующих на девушку. Как при пышных похоронах жалеешь о покойнике, мало думая о провожающих его, которым он, верно, оставил хорошее утешение, так точно при виде бедных похорон вдвое больнее сжимается сердце за сопровождающих гроб.

Девушка, казалось, забыла всё и всех; она спешила ласкать покойницу, поминутно целуя ее оледенелые руки и лицо, обливая их слезами. Федор Андреич, внеся гроб в церковь, невольно сделался как бы участником в бедных похоронах. К нему обращались с вопросами, и так как спутница девушки исчезла, то ему пришлось сделать некоторые распоряжения.

Началось отпевание; плач, крики огласили церковь, и, после продолжительного прощания, покойников поочередно понесли из церкви с плачем и унылым пением.

Девушка еще в начале панихиды страшно побледнела и впала в какое-то остолбенение. Церковь опустела, пение слышалось еще, но становилось всё тише и тише, наконец совершенно замолкло. Девушка пошатнулась и упала без чувств у гроба.

Федор Андреич уже был в дверях, чтоб идти за богатым гробом, как одна из нищих, стоявших у дверей, дернув его за рукав, сказала:

– Глянь-ка, барин, твоя, что ль, упала?

Федор Андреич, воображая, что нищая просит милостыню, проговорил:

– Бог подаст!

– Да о девушке тебе говорю, ты, кажись, гроб внес, так с ней что-то приключилось.

Федору Андреичу страшно надоели его приключения; он остановился на паперти и смотрел на удаляющиеся богатые похороны, в раздумье – идти ли вперед или назад.

– Посторонитесь! эй, вы! – раздался резкий голос позади него.

То был церковный служитель, пробивавшийся в дверях между нищими; на его руках лежала без чувств девушка.

Федор Андреич подошел к ней. Служитель спросил его:

– Не из ваших ли?

– Нет! – отвечал он, глядя, как служитель своими грубыми руками поддерживал маленькую бледную головку девушки и вопросительно осматривался, куда бы ее положить. Крякнув, он опустил ее на камень, махнул рукой и встал с коленей.

– Куда же ты? – сердито спросил Федор Андреич.

– Мне некогда, – отвечал служитель и пошел.

Федор Андреич глядел на девушку нерешительно. Нищие, как вороны, сбегались к несчастной.

– Кажись, она богу душу отдала! Смотри-ка, Кондратьевна, точь-в-точь алебастровая! – воскликнула одна из нищих.

Кондратьевна была одета в черный коленкоровый салоп и повязана черной косынкой; она с убийственной холодностью нагнулась к лицу девушки и будто с сожалением смотрела на нее, и между тем жилистая рука старухи скользнула в карман платья девушки.

Хромой нищий, мальчишка, запыхавшись, подскочил тоже к толпе, стуча своим костылем, и крикнул:

– Небывалая покойница – пешком сюда пришла! А зачем платок тащишь! – прибавил он.

– Ай-ай! – раздалось в толпе нищих.

Кондратьевна стала браниться с хромым, который замахнулся было на нее костылем и задел за девушку.

Федор Андреич кинулся к толпе, грозным голосом разогнал нищих. Одна Кондратьевна замешкалась, заботливо прикрывая украденным платком лицо девушки.

Федор Андреич оттолкнул Кондратьевну, сбросив платок с лица девушки, и, сев подле нее, приложил руку к ее сердцу; потом он торопливо приказал принести воды и уксусу, обещая заплатить. Когда было окроплено водой лицо девушки и смочена уксусом ее голова, она медленно открыла глаза, тяжело вздохнула и, невнятно прошептав: «Мне спать хочется», опять закрыла глаза.

Тихое дыхание, детское выражение лица девушки возбудили сильное сострадание в Федоре Андреиче: он, не шевелясь, просидел с полчаса над нею.

Явилась Матренушка, но не освободила Федора Андреича. Поохав над девушкой, она побежала в церковь, чтоб нести гроб к могиле. Когда его понесли из дверей при громких рыданиях Матренушки, девушка вздрогнула, быстро открыла глаза и, дико вскрикнув, рванулась к гробу. Федор Андреич удержал ее, боясь, чтоб она не помешала нести гроб. Но силы девушки так были истощены, что она не могла встать с колен и, оставаясь в этом положении, горько зарыдала. На холодном лице Федора Андреича явилось сострадание; он с нежностью уговаривал девушку, которая в отчаянии ничего не видела и, прильнув к нему на грудь, продолжала рыдать. Она рыдала горько и долго, так что грудь заныла у Федора Андреича. Наконец рыдания стали тише и тише и понемногу совсем замолкли. Девушка впала в забытье.

Федору Андреичу в первый раз в жизни пришлось быть в таком положении. Слезы и рыдания потрясли его так сильно, что он принял живое участие в девушке и терпеливо ждал возвращения Матренушки.

Матренушка явилась с кладбища и, всхлипывая, упрашивала Федора Андреича покушать кутьи, которую она держала в стакане.

– Ну что плакать-то! отвези-ка скорее свою барышню домой да уложи в постель, – наставительно сказал Федор Андреич и, взяв девушку на руки, понес к своей карете.

– Ах, батюшка, что ты делаешь! – в испуге вскрикнула Матренушка и заслонила ему дорогу.

– Что ты, с ума сошла? пусти! – сказал Федор Андреич.

– Как можно, батюшка! какая карета? Ишь, что у меня осталось, а дома и гроша нет.

И Матренушка, развязав узел носового платка с медными деньгами, стала считать их.

– Садись, дура! – сердито заметил Федор Андреич. – Тебя не заставят платить.

– Ах, родной ты, бог тебя наградит, – кланяясь низко, захныкала Матренушка.

Федор Андреич бережно положил в карету девушку, которая по временам медленно открывала глаза, чтоб тотчас снова закрыть их.

Матренушка с гордостью раздавала свои гроши нищим, приговаривая: «Молитесь за рабу божию Евдокию».

– Садись скорее! – крикнул Федор Андреич, выходя из кареты.

Матренушка раза два споткнулась, наконец влезла в карету, говоря:

– Это ничего, батюшка: устала маленько моя барышня.

– Какое устала! она просто больна.

– Да как и не заболеть, прости господи! ведь уж как возились-то с покойницей. Денно и нощно сидели у ее кровати. Да как и умерла уж, всю обмыла, да сама еще, никак, и читала над ней.

– Что она, дочь, что ли, покойницы? – спросил Федор Андреич, глядя, как Матренушка укладывала головку девушки на свой салоп.

– Нет, внучка! – отвечала Матренушка.

Взяв в зубы гребень, выпавший из головы девушки, и завертывая как попало густые волосы своей барышни, она в то же время продолжала:

– Да, кажись, очень дальная; но по чувствам не уступит и сродной. Нечего греха таить, заплатила покойнице сиротка за ее хлеб-соль.

– Так у ней даже никого родных нет? – спросил Федор Андреич.

– Ни души, опричь при смерти больного старика, сожителя хозяйки-покойницы.

– Кто они такие? Кажется, очень бедные?

– И не приведи господи! иной день… да что тут рассказывать: чай, подивились, какие похороны-то!

Федор Андреич, спохватившись, что задерживает больную, захлопнул дверцы и крикнул кучеру ехать; а сам пошел пешком.

Так как экипажей было много, то карета не скоро выбралась на простор; когда она догнала Федора Андреича, задумчиво шедшего, Матренушка высунулась и закричала ему:

– Спасибо тебе за сироту!

Но за шумом экипажей Федор Андреич не расслышал слов Матренушки; он подумал, что девушке хуже, приказал кучеру остановиться и, подойдя к окну, спросил:

– Что с ней?

– Да ничего, батюшка, кажется, опочивает.

– Так зачем же ты кричала? – с сердцем спросил Федор Андреич и привстал на подножку, чтоб посмотреть на больную. Сострадание ли выразилось на холодном лице Федора Андреича, или так просто вздумалось Матренушке, только она умоляющим голосом сказала:

– Батюшка… родной, не оставь сироту!

– Да что я могу сделать, глупая! – отвечал Федор Андреич.

– Да помоги ты хоть нам старика-то в больницу отвезти. А то она, сердечная, изведется с горестей.

– Да как его фамилия?

– Самсонов, батюшка, Яков Петрович Самсонов!

– Так, значит, хоронили Авдотью Степановну? – поспешно спросил Федор Андреич и в волнении схватился за ручку кареты.

– Ах, господи, так она вам знакома! – радостно воскликнула Матренушка.

Через две минуты Федор Андреич сидел в карете и расспрашивал Матренушку о господах, в особенности о старичке.

Дорогой девушка очнулась и очень удивилась, увидав себя в карете и в сопровождении незнакомого лица.

– Ишь мы, по-господски теперь с похорон едем! – с гордостью заметила Матренушка, и, указывая на Федора Андреича, она продолжала: – Вот они изволили знать вашу бабушку.

– Вы ее знаете? – радостно спросила девушка, обратись к Федору Андреичу, и заплакала, прошептав: – Она умерла!

– Перестаньте плакать, успокойтесь, вы можете захворать, а на ваших руках есть еще больной, – сказал Федор Андреич.

Девушка поспешно вытерла слезы и, принужденно улыбнувшись, сказала:

– Разумеется, глупо! Я не буду больше плакать. А вы знаете дедушку?

– Как же! Но вы, вы меня помните? – спросил Федор Андреич.

Девушка устремила на него свои выразительные глаза и закачала головой.

– Я вас видел очень маленькой; вы так изменились, выросли, – я бы ни за что вас не узнал.

Девушка продолжала глядеть на него и как бы отыскивала в недалеком своем прошедшем время, когда знавала его.

– Ну, не говорил ли вам дедушка иногда о родственнике своем, Федоре Андр…

– Ах боже мой! так это вы! – пугливо воскликнула девушка, и ее лицо покрылось краской, а в глазах блеснул гнев; она тихо продолжала: – К вам дедушка писал три письма, даже я…

– На то была причина, что я ничего не писал вам. Меня не было в деревне.

– А потом? – заметила девушка.

– Как только я узнал обо всем, то сейчас же поехал в Москву.

Федору Андреичу показалось совестно сознаться перед девушкой, что он не хотел отвечать своему родственнику. Он лгал ей.

– Теперь поздно! – с упреком сказала девушка; но вдруг голос ее изменился, и она умоляющим голосом прибавила: – У дедушки ничего не осталось: всё взяли!

– Будьте покойны: я всё сделаю, что от меня будет зависеть.

Радостная улыбка оживила лицо девушки.

Федору Андреичу больной дедушка приходился двоюродным братом по женской линии. Мачеха Федора Андреича не очень уважала своих бедных родственников и редко упоминала о существовании их, в то время как с богатыми вела аккуратную переписку, описывая свое несчастное вдовье положение с сиротами. Но она дурно разочла. Богатые родственники равнодушно приняли Федора Андреича, когда он приехал в Москву служить, и ни в чем не пожелали помочь ему. А забытый и пренебреженный бедный родственник радушно принял его, обласкал, ссудил деньгами и, несмотря на разность лет, был ему самым нежным братом, – даже раз выручил его из беды, внеся за него деньги, проигранные им. Но, по холодности своей натуры, Федор Андреич легко забыл доброго родственника, и когда получил отчаянное письмо, в котором брат описывал ему нищету свою, застигшую его неожиданно, Федор Андреич даже ничего не отвечал; то же было и с другими письмами. Он сохранил только одно – именно письмо внучки, которая тихонько писала к нему о бедном состоянии своего дедушки. Оно поразило его оригинальностью своей: в нем было столько детского и вместе с тем так много справедливых и гордых упреков.

Федор Андреич застал своего двоюродного брата в самом горестном положении. Будучи искусным ходатаем по тяжебным делам и в то же время человеком беспримерной честности и доброты, брат его взялся за процесс одного бедного человека; в выигрыше процесса не было сомнения, и по доброте своей старик употребил много денег, занимая на свое имя, так как никто не хотел верить тяжущемуся. Процесс уже подходил к концу, как вдруг тяжущийся скончался, разбитый экипажем, наехавшим на его дрожки. Наследники получают почти выигранное дело, передают его другому. Доверчивому ходатаю не только не уплатили расходов по делу, но даже обвинили его в каком-то дурном поступке. Началось дело. Самсонов в отчаянии захворал и поручил отписываться другому; попался ему человек не очень добросовестный, который и довел его до нищеты. Дом продали на уплату долгов; мебель и вещи пошли на леченье. Неожиданно скопившиеся несчастия так потрясли жену стряпчего, что она, не дождавшись своего мужа, первая поспешила слечь в могилу. Самсонов, верно, последовал бы за нею, если б не Федор Андреич, который не пожалел денег на его лечение.

Когда старик начал поправляться, Федор Андреич предложил ему и его внучке убежище в своем доме. Старик с радостью согласился.

При первой встрече с родными гостями Настасья Андреевна, сама не зная почему, возненавидела Аню. Может быть, сначала то была бессознательная вражда старой девы к молоденькой и хорошенькой девушке. Но потом заботливость брата о гостях, какой ни она, ни приемыш никогда не видали и даже не подозревали, чтоб он был к ней способен, – довершила остальное.

Настасья Андреевна сделалась сурова и мелочно требовательна к Ане, и, верно, Ане пришлось бы плохо, если б не Федор Андреич да не хитрый Петруша, с первого же дня подружившийся с Аней.

Старичок страдал, когда Настасья Андреевна нападала на его внучку. Но делать было нечего: им некуда было деваться. Аня понимала очень хорошо свое положение и, зная, что ее слезы огорчают дедушку, старалась как можно равнодушнее принимать незаслуженные упреки и выговоры Настасьи Андреевны; но такое благоразумие еще более подстрекало Настасью Андреевну: она прибегала к самым мелочным мерам и часто метко попадала в своего врага.

Известно, что переход из детства сопровождается желанием казаться старше своих лет, Настасья Андреевна была неумолимо строга к туалету Ани, которым распоряжалась по поручению брата. И Аня со слезами надевала пелеринку, которую давно уже стыдилась носить, считая себя взрослой девушкой; но всего ужаснее было ей расстаться с своими прическами, которые она так искусно умела разнообразить каждый день.

Слез Ани Настасья Андреевна боялась: они поднимали грозу в доме. Если Федор Андреич замечал, что у Ани красные глаза, он тотчас требовал, чтоб она сказала ему причину. Таким образом, узнав раз о несправедливости Настасьи Андреевны, он назвал ее «сварливой бабой». С той минуты Настасья Андреевна всеми силами своей души возненавидела Аню и искала неутомимо случаев мстить ей, не рассуждая о беззащитности своего врага. Но, к счастью Ани, Федор Андреич стал реже отлучаться из деревни и сроки его отсутствия не были продолжительны.

Против своего обыкновения, он стал проводить вечера в гостиной, где играл в карты или шашки со старичком, а иногда требовал, чтоб Аня читала ему вслух какую-нибудь книгу или газету. Эти семейные картины наполняли сердце Настасьи Андреевны ревностью, почему не ее приемыша заставляет он читать, и под предлогом хозяйства она бежала к себе наверх, чтоб не слыхать приятного голоса Ани, который раздражал ее… Зато старичок сладко засыпал под голос своей внучки. Петруша присутствовал тут же и, будто слушая, сам с собой играл в шашки. Один Федор Андреич, медленно покуривая из маленького чубука с огромной пенковой трубкой, слушал внимательно и часто поправлял Аню, если она торопилась и не так выговаривала слова.

Удар был еще ужаснее для Настасьи Андреевны, когда ее брат стал заботиться о неоконченном воспитании Ани, в то время как давно была пора думать о воспитании Петруши.

В дом был взят гувернер. Петрушу с Аней засадили за уроки. Так как Петруша был резвый мальчик, то Аня, очень понятно, оказывала больше успехов, чем он, и часто получала похвалы от Федора Андреича, а Петруша – выговоры. В глазах Настасьи Андреевны всё принимало другой вид: она вообразила, что беззаботная Аня помышляет очернить Петрушу в глазах его благодетеля, а учитель потому только хвалит ее, что она перед ним кокетничает. И раз, присутствуя при выговоре, который прочитан был Петруше его благодетелем, Настасья Андреевна не выдержала и стала защищать своего приемыша.

– Вы, братец, всё его браните, а не хотите обратить внимания, с кем больше занимается Селивестр Федорыч. Всякий отстанет, если только с одной будут заниматься.

Федор Андреич сердито заметил, что пристрастие ее ослепляет.

– Господи! так небось к ней не пристрастен никто! Уж я давно всё вижу, да не хотела говорить вам! Я чаще вашего заглядываю в классную.

После этого разговора Федор Андреич стал посещать классную, что имело неблагоприятные последствия: Петруша подвергался наказаниям еще чаще и строже. Настасья Андреевна каждый раз, как начинался класс, подслушивала у дверей и, подметив что-нибудь за Аней и учителем, перетолковывала по-своему. Наконец Аня стала конфузиться учителя, преследуемая обидными и несправедливыми намеками Настасьи Андреевны.

Это не укрылось от Федора Андреича, и он уволил Аню от классов. А сам учитель, верно догадываясь о причине частых сцен в доме и боясь потерять место, отправился в город на неделю и, пробыв там две, явился с женой. Искусная сваха помогла ему. Через три дня по приезде его явилась к учителю очень пожилая женщина в сопровождении какого-то молодого мужчины и объявила, что она пришла переговорить с ним, узнав его желание. После расспросов, сколько он получает жалованья и какой его характер, пожилая женщина сказала, что у ней есть племянница двадцати семи лет с десятью тысячами приданого, которую она желает устроить, собираясь сама предпринять дальнее путешествие. Вскоре учитель стоял под венцом с девушкой, очень неуклюжей, с некрасивым, но смиренным лицом.

Таким образом, мы познакомились теперь со всеми лицами, которых увидели в начале повести, и даже узнали несколько о Федоре Андреиче, которого не было на нашей сцене при поднятии занавеса.

Глава V
Хитрая выдумка

Аня и Петруша остались в саду. Он сидел верхом на деревянных перилах террасы в задумчивом положении. Аня, стоя неподалеку, бросала кверху носовой платок, играя им, как мячиком.

– Ну, лови, Петруша! – сказала Аня, кинув платок к Петруше.

Он ничего не слыхал и оставался в задумчивой позе.

Подымая упавший платок, Аня насмешливо спросила его:

– Скажи, пожалуйста, Петруша, о чем ты так задумался? Верно, боишься, что Настасья Андреевна пожалуется *ему?*

– Вовсе и не думал! – обидчиво отвечал Петруша. – Если бы даже и пожаловалась… ну, что мне могут сделать??

– Как же? – с удивлением спросила Аня.

– Разумеется! ну, что сделают?.. побранят!.. велит сидеть у Селивестра Федорыча!..

И, помолчав, он с грустью продолжал:

– Нет, Аня! я думал, отчего она меня не хочет послать нынче в город, чтоб держать экзамен. Ведь опять целый год надо будет сидеть в классной с Селивестром Федорычем да проходить зады. В то время как все мои товарищи учатся, я… я один только бью баклуши в этой куцей курточке!

И Петруша с сердцем рванул курточку, так что она затрещала; глаза его наполнились слезами, и он засвистел, вероятно желая скрыть их.

– Ну, кто у тебя и бывает? один Федя! – заметила Аня.

– Он-то меня и злит! – с горячностью подхватил Петруша и с возрастающим жаром продолжал: – Поступил в класс – и нос поднял, говорить со мной не хочет, что ни скажу ему – подсмеивается, ты, говорит, на руках у нянюшек. А сам мне по плечо, да и годами моложе.

И, переменив голос, он с восторгом воскликнул:

– Ах, Аня! что он мне рассказывал! как они весело живут! играют, курят!

– Ну, а как узнают? – спросила Аня.

– Кто же может узнать! Селивестра Федорыча нет там, чтоб всё переносить. А товарищи не выдадут и сухим из воды вытащат. Да погодите, я уж поставлю на своем: я буду, буду в пансионе нынешний год!!

Последние слова Петруша говорил, обратись к дому, как будто кто-то его слушал в окне.

Аня засмеялась.

– Чему ты смеешься? – с сердцем спросил Петруша.

– Над тобой!.. ха-ха-ха!.. у! как разгорячился. И играть будет, и курить будет… ха-ха-ха!

– Буду, всё буду делать, что захочу, как переселюсь в город! – топнув ногой и разгорячась, воскликнул Петруша.

– Да в том-то и вся сила, когда-то еще переселишься? – поддразнивая, заметила Аня.

– Клянусь тебе, очень скоро! – торжественно произнес Петруша и прибавил таинственно: – Я уж знаю, что надо сделать.

Аня перестала смеяться и с любопытством спросила:

– А что?

– Скоро состареешься – не скажу!

– Пожалуйста! – умоляющим голосом сказала Аня.

– Я, пожалуй, скажу, только с условием.

– Какое?

– Танцуй со мной при Феде, а ему откажи, если он будет просить тебя. А то он меня всё дразнит, что ты на меня как на мальчишку смотришь…

Аня, помолчав, нетерпеливо сказала:

– Ну, скажи же, что ты сделаешь?

Петруша огляделся кругом и, понизив голос, сказал таинственно:

– Помнишь, по какому случаю *он* рассердился, хотел меня отправить в город? Да тетенька разнежничалась!

– Ну, помню! что же? – с напряженным любопытством спросила Аня.

– Не понимаешь? – с удивлением, в свою очередь, спросил Петруша.

Аня покачала головой.

– Я…

Петруша опять огляделся и тихо продолжал:

– Я перепишу черновое письмо Феди, что он у меня оставил, и выроню при *нем,* будто нечаянно.

– Так что же?

– А вот увидишь, что будет, – весело отвечал Петруша и, схватив Аню за руку, потащил ее за собой, прибавив – Побежим в нижний сад.

Аня сначала упиралась, но потом пустилась бежать ровно с Петрушей и спросила его:

– А кому писал Федя письмо?

– К Танечке, – отвечал Петруша,

– И она ему пишет?

– Разумеется!

Она замолчала и продолжала бежать. Петруша усилил свой бег и сказал:

– А ты будешь писать ко мне, когда я уеду отсюда?

– Это зачем?

– Так!

– Нет-с, вы уж лучше попросите Танечку, чтоб она вам обоим писала.

– Трусиха! – заметил Петруша и, выпустив ее руку, пошел шагом.

– Вовсе не из трусости!

– А из чего же?

– Так!

– Значит, тебе меня не будет жаль? – с упреком заметил Петруша.

– Пойдем к лодке, Петруша! – взяв его за руку, поспешно сказала Аня.

– Зачем?

– Нарвем цветов; я их ужасно люблю.

– Ну пойдем!

И они как стрелы пустились бежать, – перебежав мостик, повернули по берегу речки, которая прихотливо изгибалась узкою лентою, окаймленною с двух сторон широкими листьями болотных лилий. Прибежав к одному из кустов, Петруша взвалил себе на плечи два весла, которые скрывались там, и медленно пошел к лодке, стоявшей невдалеке. Он проворно прыгнул в нее и отвязал ее от колышка, покрытого изумрудным мхом.

Лодка заколыхалась, и из-под зеленой тины блеснула вода. Петруша с ловкостью перекинул конец весла на берег, а другой придержал рукой. Аня, приподняв высоко платье, чтоб его не замочить, стала тихонько пробираться по веслу, которое вертелось во все стороны.

– Какие у тебя маленькие ножки! – заметил Петруша.

Аня, потеряв баланс, закачалась.

Если бы не ловкость Петруши, она упала бы в воду; но он схватил ее за руку и с силою притянул в лодку. Он смеялся. Аня тоже смеялась.

Лодка тем временем отчалила от берега и тихо прорезала себе дорогу в зелени, оставляя за собой ленту воды, которая уменьшалась постепенно и наконец исчезла.

– Смотри, весло забыли! – кричала Аня.

– И с одним накатаемся.

* * *

Петруша стоя правил одним веслом и насмешливо глядел на нее.

Легкий туман стал подниматься из реки, которая становилась шире и чище, а лес, окаймлявший берега с обеих сторон, густел и темнел. Петруша и Аня плыли молча; последняя смотрелась в воду, опускала руки в нее и так ехала, производя ими легкий плеск.

– Петруша! – неожиданно окликнула она задумавшегося своего вожатого.

– А? – спросил пугливо Петруша.

Эхо повторило их. Это Аню очень заняло, и она, смеясь, стала повторять на разные голоса имя Петруши и прислушивалась к эхо.

– Отчего, Петруша, лес повторяет, что я ни скажу? – спросила Аня.

– Это – эхо, – глубокомысленно отвечал Петруша.

– Вот хорошо! я и без тебя знаю, что эхо! – насмешливо и передразнивая его голос, отвечала Аня и с важностью продолжала: – Нет, ты мне растолкуй, отчего и как?

Петруша молчал.

– Не знаешь?

– А ты знаешь? – с досадою спросил Петруша.

– Нет! но мне не стыдно! я не буду курить и писать письма! – Аня сопровождала свои слова лукавыми взглядами.

– О, тогда я всё узнаю; а теперь чему научиться с Селивестром Федорычем? разве как сушить васильки, чтоб перемешивать с табаком и потом курить их.

– Да тебе будет скучно там одному! На лодке нельзя кататься и рвать таких цветов.

И Аня нагнулась сорвать одну из лилий; но корень был крепок, и она только возмутила поверхность воды. Петруша, бросив весло, сорвал ей его.

– Еще и эту, и эту! – говорила Аня Петруше, который наклонял лодку во все стороны, собирая цветы, разбросанные по реке, и говорил:

– Чего мне будет жаль, так тебя, Аня: она тебя замучит попреками.

– Уж, право, не знаю, что я ей сделала! она меня ужасно не любит, – с грустью сказала Аня.

– Ты пиши ко мне, если уж она очень…

– Что же ты сделаешь?

– Я…

Петруша призадумался и потом отвечал:

– Я скажу ей, что не буду ее любить.

– Ах! не говори ты ей этого! – воскликнула Аня в испуге и тихо заплакала.

– О чем же ты плачешь, Аня? – недовольным голосом спросил Петруша, и, отнимая ее руки от глаз, он вкладывал в них цветок.

– Страшно! – всхлипывая, отвечала девушка.

– С чего тебе страшно? – глядя вокруг, спросил Петруша.

– Я останусь одна: она меня с дедушкой будет бранить всякий день.

– Ну так я останусь, не плачь! Посмотри, какой чудесный цветок.

Так утешал Петруша свою спутницу.

Аня взглянула на цветок, понюхала его и немного запачкала себе нос. Петруша залился смехом и, сорвав себе лилию, напачкал тоже свой нос.

Они гримасничали в лодке, смеялись; вдруг Аня призадумалась и сказала:

– Знаешь что, Петруша: сорвем по цветку, высушим их, и когда ты приедешь побывать, я спрошу свой, а ты у меня свой. И если кто потеряет его, тот должен целый год исполнять всё, что ни приказывают.

– Хорошо; спасибо! – отвечал Петруша, взяв поданный ему цветок, и прибавил:-Я его в историю положу.

Болтая, они не заметили, что стемнело. Аня первая пугливо сказала:

– Однако, Петруша, вернемся назад; пока еще доедем, а может, нас хватятся.

Но как ни спешил Петруша, когда лодка причалила к месту, где они сели, уже совсем смерклось. Аня с Петрушей бегом пустились к дому, и лишь только завидели его, как оба в один голос пугливо заметили:

– Огонь в гостиной!

– Не приехал ли он? – сказал Петруша.

И, подойдя ближе к дому, стал на скамейку. Аня последовала его примеру. Приподнявшись на цыпочки, она заглянула в окна и потом, быстро присев, дрожащим голосом сказала:

– Ах, уж и стол накрыт!

Петруша, стоя на скамейке и придерживаясь за плечи Ани, говорил:

– Он ходит по комнате: значит, сердит! – И, соскочив со скамейки, он продолжал – Смотри, Аня, скажи, что сидела у себя в комнате.

– Хорошо; ну, иди же; я приду потом, – отвечала Аня.

И они разошлись.

В зале был уже накрыт стол для ужина. Старичок сидел в своих креслах и, прильнув к стеклу, высматривал в темноте сада свою внучку и Петрушу, которых искали по всему дому и ждали ужинать. Федор Андреич, рассерженный поздним отсутствием Петруши и Ани, расхаживал в зале и ворчал на свою сестру, зачем она не смотрит за ними и позволяет девушке в такой поздний час отлучаться из дому. Настасья Андреевна своими словами, казалось, еще сильнее раздражала гнев брата. Фигура его, и без того серьезная, сделалась мрачною. Он был небольшого роста, но необыкновенно широк в плечах, с плотными руками и ногами. Его лицо далеко не принадлежало к числу приятных; густые с проседью волосы, торчавшие вверх, придавали его строгим чертам что-то мрачное; а густые брови, почти сросшиеся вместе, увеличивали суровость выражения его черных блестящих глаз и большого носа. Он носил небольшие усы с проседью, которые скрывали его толстые губы. Цвет лица его был красноватый и не лишенный здоровья. Одет он был в синеватого цвета венгерку с высоким стоячим воротником, который упирался в его полный подбородок и делал еще шире его лицо.

Появление Петруши нарушило молчание, воцарившееся в зале. Федор Андреич встретил его следующими словами:

– А, насилу явился!

Петруша поцеловал у него руку.

– Вы заставляете ждать себя… Где ты был?

И лицо Федора Андреича становилось всё мрачнее.

– Я катался на лодке! – робко отвечал Петруша.

– Я ведь тебе запретил? как же ты смел! – грозно спросил Федор Андреич.

– Я ему позволила: он хорошо играл сегодня! – подхватила Настасья Андреевна.

Ее брат, нахмурив брови, отвечал:

– Прекрасно, ты его отпустила; а где же Аня?

– Я не знаю-с! – поспешно отвечал Петруша.

– Разве она не с тобой каталась? – с удивлением спросил Федор Андреич.

– Нет-с! – запинаясь, проговорил Петруша.

В ту минуту Аня, слегка смущенная, вошла в залу.

– А-а-а, сударыня!.. где вы изволили быть? – торжествующим голосом спросила Настасья Андреевна.

– Я сидела наверху!

– Неправда: я сама была в вашей комнате.

– Верно, я…

– Поди поздоровайся, – перебил ее старичок.

Аня подошла к Федору Андреичу, поцеловала его в щеку.

– Боже мой! посмотрите на ее платье, – вскрикнула Настасья Андреевна и, кинувшись к Ане, стала повертывать ее во все стороны.

Торопясь домой, Аня забыла о своем платье, и роса вымочила его.

Федор Андреич выразительно посмотрел на Петрушу, погрозив ему, и сквозь зубы сказал:

– Так ты один катался?

– Я одна гуляла в саду! – побледнев и умоляющим голосом сказала Аня, обратись к Федору Андреичу, который отвернулся от нее и настойчиво требовал, чтоб Петруша сознался в своей лжи.

Но Петруша упорно молчал. Этим временем Настасья Андреевна накинулась на Аню, которая заплакала.

Федор Андреич, оставив Петрушу, обратился к плачущей и грозно закричал:

– Вы, кажется, сговорились меня злить сегодня. Одна плачет, другой лжет!

– А она разве не солгала вам? – подхватила Настасья Андреевна, бросая яростные взгляды на Аню.

– Настасья Андреевна, моя Аня не лгунья! – обидчиво заметил старичок.

Внучка кинулась к своему защитнику и, скрыв свою голову на его плече, горько зарыдала. Дедушка утешал ее и шептал:

– Тише, не плачь: он пуще рассердится.

Федор Андреич заходил скорыми шагами по комнате: то было признаком гнева.

Настасья Андреевна шепталась с Петрушей, делая ему выразительные жесты.

– Да перестанете ли вы, сударыня! – грозно топнув ногой, сказал Федор Андреич, остановись перед Аней. – Вы плачете, как будто бог знает что с вами сделали. Прошу перестать: вы знаете, я не люблю слез!

Последние слова были сказаны гораздо громче. Старичок вытер слезы у внучки и сказал ей тихо:

– Попроси прощенья.

– Я не виновата! – отвечала Аня всхлипывая.

– Капризная девчонка! – заметила Настасья Андреевна и, крикнув лакея, приказала подавать ужин.

В глубоком молчании все уселись за стол, в том числе и гувернер с женой, сошедший сверху. Раз двадцать он кланялся, а жена его приседала хозяину дома, пока они были замечены им.

– Вы продолжаете сердиться? отчего вы не кушаете? – нахмурив брови, сказал Федор Андреич Ане, которая сидела, понурив голову, и ничего не ела.

Старичок толкнул ее ногой. Аня, не слышав вопроса хозяина, вопросительно посмотрела на своего дедушку, который уткнулся в свою тарелку и прилежно кушал.

– Отвечайте же, – вас спрашивают! – дрожащим от гнева голосом сказала Настасья Андреевна.

– Что вам угодно? – спросила Аня.

– О чем вы так думаете, что ничего не слышите? – язвительно спросила Настасья Андреевна и готовилась продолжать выговор, но, остановленная взглядом своего брата, быстро сжала губы.

Встали из-за стола. Аня подошла проститься с Федором Андреичем, сказав грустно:

– Покойной ночи-с!

Федор Андреич взял Аню за руку, поцеловал ее в лоб и ласковым голосом произнес:

– Забудьте всё и спите спокойно.

Аня с теми же словами подошла к Настасье Андреевне. Они обе едва коснулись губами до щек друг друга; последняя наградила Аню гневным взглядом. Со старичком Аня прощалась без слов. Она нежно поцеловала его в щеку, потом в руку и опять в щеку, как бы желая показать присутствующим свои чувства к нему.

– Дедушка, я вас провожу и зайду к вам, – шепнула она старичку.

Старичок крепко поцеловал свою внучку и перекрестил.

– Прощайте, Петрушенька! – сказала Аня, проходя мимо него.

Петруша стоял у окна и глядел в мрачный сад. Эти слова вывели его из задумчивости; он молча поклонился Ане и с нежностью поцеловал старичка, который отвечал ему таким же поцелуем и тоже его перекрестил.

– Прощай, брат! – пожимая руку Федора Андреича, сказал старичок, сопровождая слова свои благодарным взглядом.

– Прощайте! – вдруг веселым голосом отвечал Федор Андреич и, сделав общий поклон, ушел из залы.

Все побрели по своим комнатам, исключая Настасьи Андреевны, которая осталась собирать остатки белого хлеба в корзинку и долго еще копалась внизу, запирая водку, вино по разным чуланам.

Через час всё в доме спало глубоким сном; только в кабинете Федора Андреича еще виден был огонь.

Часть вторая

Глава VI
Письмо

Кабинет Федора Андреича уборкой своей не отличался от других комнат. Мебель была в нем самая необходимая: железная кровать, у которой стоял маленький столик, заваленный губернскими газетами, бронзовый подсвечник с зеленым колпаком, освещавший комнату, комод старинный с бронзовой оправой, несколько стульев соломенных, новейшей работы бюро и у окна вольтеровское кресло, в котором задумчиво сидел Федор Андреич. В его руках был неизменный его коротенький чубучок с огромной пенковой трубкой. Но он не курил в эту минуту, а, поддерживая голову одной рукой, смотрел в раскрытое окно в темный сад. Он сидел так неподвижно, что его можно было принять за спящего, если б из-под густых бровей не сверкали его блестящие серые глаза. В этом положении провел ночь Федор Андреич; лишь только занялась заря, он лениво встал, как бы сожалея о промчавшейся ночи, выбил свою недокурен-

ную трубку и, набивши новую, вышел из своего кабинета и очутился на террасе. Утренний воздух дал ему почувствовать без сна проведенную ночь; усталый, он уселся на отсыревшие ступеньки террасы.

Утро было свежее; зелень и даль неба покрыты были легким наром, который, медленно подымаясь, разрывался местами. Птицы, чирикая, скакали по песку дорожек, порхали на кусты, собирая капли росы, или, весело щебеча, пролетали над головой Федора Андреича в свои гнезда, свитые в крыше террасы.

Но его ничто не развлекало: он сидел в неподвижном положении, и трубка опять была забыта. Солнце вспыхнуло, осветив все предметы; птицы громче запели, послышалось мычание коров, ржание лошадей; вдали пахнуло дымом затопленной печки. Но пробуждение дня не могло вывести из задумчивости Федора Андреича. Наконец он вдруг встрепенулся. Над его головой раздался стук открытого окна; сонная Аня, с распущенными волосами, с ярко горящими щеками, закутанная в белое одеяло, появилась в окне. Она, щурясь, глядела на солнце, прямо светившее ей в лицо, зевнула, вздрогнула и, плотнее закутавши свои плечи одеялом, легла на окно. Аня глядела неопределенно на небо, на зелень в саду, следила внимательно за птичками – и вдруг скрылась с окна, но через минуту опять появилась, вооруженная зонтиком, которым слегка стукнула в соседнее окно, и спряталась.

Через несколько минут соседнее окно раскрылось с шумом, и сонное лицо Петруши с ‹вс›клокоченными волосами показалось в нем. Аня выглянула из своего и залилась смехом. Петруша, зевая, спросил:

– Ну, чему смеешься?

– У, какой ты страшный!

Петруша, догадавшись, оправил свои волосы и спросил ее:

– А ты давно встала?

– Давно, давно! – протяжно отвечала Аня и зевнула сладко.

Петруша последовал ее примеру и сказал:

– Что же ты меня не разбудила прежде?

– Не хотела.

– Значит, солгала: верно, сама проспала; а уж как вчера божилась, что встанет рано-рано, чтоб идти гулять!

Аня лукаво улыбнулась и, потягиваясь, сказала:

– Какой я страшный сон, Петруша, видела!

– Ну, верно, не страшнее вчерашнего вечера: каково нас поймали? и всё твое платье!

– Мне так было страшно за тебя! – перебила его Аня.

– А мне за тебя: думаю, расплачется и всё расскажет.

– Вот мило! ты думаешь в самом деле, что я девочка! – обидчиво заметила Аня и с уверенностью продолжала – Нет, что бы ни случилось со мной, я ничего не сказала бы,

Аня поддерживала свое личико; оно было полузакрыто распущенными ее волосами, концы которых висели из окна и качались в воздухе.

– Знаешь, Аня, тебе бы так носить волосы, – заметил Петруша.

– То есть не чесаться? – смеясь, подхватила Аня, и, закинув голову кверху, смотря на небо и щуря лукаво глаза, она прибавила: – Ну а так хорошо?

– Не шали: упадешь! – строго заметил Петруша Ане, которая мотала головой. – Пойдем гулять… Как бы теперь хорошо покататься на лодке.

– Мне не в чем! мое платье с вечера взяли замывать.

– Надень мое! – смеясь, сказал Петруша.

– Ха-ха!

Петруша в минуту свесил ноги на крышу и болтал ими.

– Не делай этого, бога ради: ты знаешь, какая гнилая крыша. Вон сколько дыр на ней.

И вдруг она пугливо устремила глаза в одну из них и, замахав рукой, скрылась из окна. Петруша стал ее звать и, соскочив на крышу, подошел к ее окну. Аня закричала ему с ужасом:

– Он встал, сидит на террасе.

Петруша пугливо прокрался назад. Оба окна вскоре тихо закрылись. Но Федор Андреич всё слышал и видел, и детские выходки Ани и Петруши ему видимо не понравились. Он совершенно сдвинул свои брови и кусал губы, крутя жестоко свои усы.

Чай и завтрак подавали в этот день в кабинет Федору Андреичу. К обеду стол накрыт был в зале. Все, собравшись, ожидали его появления, чтобы начать обедать. Он так был мрачен при появлении, что на лицах всех присутствующих изобразилась тревога, и они вопросительно переглянулись. Молча Федор Андреич принял приветствие домашних, и когда стенные часы с громом и шипением пробили три часа, он заметил про себя:

– Как поздно!

– Не прикажете ли, братец, подавать кушать? – спросила Настасья Андреевна.

– Давайте, – отвечал рассеянно Федор Андреич, и, обратясь к Петруше, который, стоя у флигеля, перебирал ноты, он сердито прибавил: – Ну что же ты стоишь! вели подавать!

Петруша пошел к двери и в ту самую минуту вынул из кармана носовой платок, а с ним вместе выпало письмо.

– Петрушенька, вы что-то выронили! – заметила Аня, заранее приготовленная, что ей нужно было сказать.

Но Петруша как бы не слыхал и вышел в дверь.

Аня подошла, чтобы поднять письмо; но Федор Андреич остановил ее. В то время Петруша вернулся в залу. Федор Андреич молча указал ему на письмо. Петруша, слегка изменясь в лице, поднял письмо и хотел спрятать его в карман.

– Подай его сюда! – таким голосом произнес Федор Андреич, что все в зале вздрогнули.

Петруша тотчас же повиновался. Пробежав письмо, Федор Андреич громко засмеялся, отчего Настасья Андреевна, побледнев, вскочила со стула и с удивлением смотрела на брата, потому что смех был у него предвестником страшного гнева. Всё, что было в комнате, притаило дыхание и следило за мрачным выражением лица Федора Андреича, который, язвительно улыбаясь, сказал:

– Иди за мной!

И пошел из залы. Петруша твердым шагом последовал за ним.

Настасья Андреевна, проводив их глазами, тоскливо и вопросительно глядела на всех, как бы прося объяснения, и, остановив свои глаза на смущенной Ане, спросила:

– Что это значит?

Аня покачала головой.

Даже безжизненное лицо Селивестра Федорыча пришло в волнение, а его жена сильно закашлялась.

– Что такое Петруша сделал? – спросил старичок Аню с участием.

Она отвечала со вздохом:

– Не знаю, дедушка.

– Опять какие-нибудь шалости! и где усмотреть за ним? – тоном оправдания проговорил учитель.

Лакей явился в залу с миской супу и поставил ее на стол.

– Доложи барину, что суп подали! – свободнее вздохнув, сказала Настасья Андреевна.

Но лакей скоро возвратился, донеся ей, что барин ничего не отвечал. Настасья Андреевна приказала вынести миску из залы и вышла; она скоро возвратилась еще в большем волнении, брала вязанье в руки, бросала его, поминутно смотрела на часы и тоскливо на дверь.

Через томительных полчаса явился в залу Федор Андреич; он был бледен, губы его судорожно сжаты; глаза сверкали таким огнем, что все, как бы ослепленные их блеском, потупили свои.

– Что же вы не обедаете? – раздражительным голосом спросил Федор Андреич, взглянув на стол.

– Мы ждали вас, братец! – нетвердым голосом отвечала Настасья Андреевна.

– Велите скорее давать!

Когда опять подали суп, Настасья Андреевна робко сказала лакею:

– Попроси Петрушеньку…

– Не нужно! – перебил ее Федор Андреич.

Настасья Андреевна остолбенела, с разливательной ложкой в руках, и глядела на своего брата, который, судорожно постукивая ножом по столу, исподлобья глядел на всех.

– Вы его наказали? – придя в себя, спросила Настасья Андреевна.

– Да! он сегодня без обеда, – резко отвечал ей брат, и она принялась разливать суп.

Федор Андреич ужасно капризничал за столом, ворчал на сестру, что не всё в порядке, громко бранил лакея, подававшего кушанье…

– Боже мой, что с ним? – в недоумении шептала Настасья Андреевна.

Обед тянулся долго, хотя никто почти не ел, кроме Селивестра Федорыча; но и тот видимо конфузился от случайно падавших на него гневных взглядов хозяина.

После обеда, казалось, гнев Федора Андреича поутих; но он всё еще хмурился и, сидя в гостиной на диване с трубкой в зубах, постукивал ногой, глядя в даль сада.

Аня и Настасья Андреевна заняты были работой, а старичок, забыв свой послеобеденный сон, сидел, понурив голову, за шахматным столиком. Тяжелая и подавляющая тишина царила в комнате, в которой была раскрыта дверь на террасу в сад, как бы для сравненья этих людей, заключенных в комнате, с птицами, вольно летающими повсюду, с бабочками, порхавшими по кустам, с мухами, кружащимися бессмысленно в воздухе. Иногда в комнату залетала большая муха: жужжа неистово, она тоскливо билась по стеклам и радостно вылетала опять в сад.

Наконец послышалось мерное дыхание Федора Андреича, и голова его облокотилась на спинку дивана; трубка сжата была в руке, которая покоилась на ручке дивана.

Настасья Андреевна на цыпочках вышла из гостиной и отправилась к кабинету брата, где сидел Петруша. Она постучалась в дверь.

– Кто? Аня? – спросил Петруша изнутри.

– Нет, это я; отвори!

– Я заперт.

– Господи, господи! что ты такое сделал? что за письмо и к кому?

Петруша молчал.

– Говори же! – строго продолжала Настасья Андреевна.

Петруша всё молчал.

– Скажешь ли ты мне!.. – Не дождавшись ответа, Настасья Андреевна с сердцем продолжала: – Поделом тебе, и прекрасно, что тебя наказали: ты упрямый мальчишка!

И она возвратилась в залу; но ее приход, как он ни был осторожен, пробудил брата; подозрительно посмотрев на Настасью Андреевну, он сказал:

– Верно, навещать ходили? да я принял меры против вашего баловства.

И он показал ключ от двери своего кабинета.

Томительно длинно прошло время для Ани от обеда до чаю. Федор Андреич вышел из гостиной, и она кинулась в сад, чтоб подышать чистым воздухом. Поравнявшись с окном кабинета, она услышала сердитый голос Федора Андреича и следующие слова:

– В последний раз спрашиваю, к кому писал письмо?

Ответа не слыхала Аня, и когда хлопнули дверью, она, припрыгнув, закричала:

– Петруша!

Петруша выглянул из окна; глаза его были заплаканы, но он улыбался и торжествующим голосом сказал:

– А каково я их всех поддел!

Аня с участием спросила:

– Петруша, ты, кажется, плакал? за что он тебя оставил без обеда?

– Вовсе не думал плакать! Выйдут же наконец из терпения и пошлют меня в город.

– Не хочешь ли ты есть?

Вместо ответа, Петруша, указав рукой вдаль, поспешно присел.

Аня, повернув голову по указанию Петруши, увидела Федора Андреича, гуляющего по саду; она побежала в залу, где Настасья Андреевна уже сидела за самоваром. Она встретила Аню следующими словами:

– Где это вы изволите бегать?.. из-за вас в доме целый день тревога!

– Я была в саду.

– Так извольте идти опять туда: вас сам Федор Андреич пошел искать; просите его кушать чай.

Аня побежала искать Федора Андреича, но столкнулась с ним на террасе.

– Куда? – строго спросил он.

– К вам-с! – отвечала Аня.

– Это зачем?

– Вы искали меня.

– Да; а где вы были?

– В саду.

– Сад велик! где именно?

Аня замялась, но вдруг поспешно отвечала:

– Я рвала ягоды.

– Сырые-то? ай-ай-ай!

И Федор Андреич покачал головой, взял Аню за руку и пристально глядел ей в глаза. Она покраснела как мак, потупила глаза, и сердце у ней застучало от страху. Она страшилась, что он видел ее у окна, где был заключен Петруша.

– Вы любите меня? – протяжно спросил Федор Андреич…

– Да-с… очень… – не вдруг проговорила Аня.

Это вызвало недоверчивую улыбку на губы Федора Андреича. Он наставительным голосом сказал, держа ее за руку:

– Вы уж большая девица: вам не следует вставать до свету, чтоб болтать с глупым мальчишкой, которому надо учиться. Все эти шалости вчера и сегодня нейдут к вам… но бог с ними. Вы, верно, знаете, к кому он изволил писать письмо, а?

Аню как будто бы жгли на медленном огне. Она обрадовалась бы, если б пол обрушился и поглотил ее, лишь бы не чувствовать прикосновения горячей руки, которая жгла ее, и проницательных сверкающих взглядов Федора Андреича.

– Что же вы? вы, как и он, молчите?

– Я ничего не знаю-с! – заплакав, отвечала Аня; ей было страшно.

– Я ждал этого! – с сердцем сказал Федор Андреич и с силою сжал ее руку, отчего Аня слегка вскрикнула; он оставил ее и стал ходить взад и вперед по террасе.

Аня плакала.

– Братец, чай готов, – сказала Настасья Андреевна, появясь в дверях.

– Прикажите мне сюда подать! – отрывисто отвечал ей брат и продолжал ходить.

– Извольте принести чашку! – обратясь к Ане, сказала Настасья Андреевна, и когда девушка скрылась, она поспешно продолжала – Братец, простите Петрушу: он и так довольно наказан.

– За его упрямство ему еще не то будет! не просите!.. Я его не прощу!.. – отрывисто, сердитым голосом сказал Федор Андреич.

– Это несправедливо! всё одного наказывать, в то время как другая во сто раз более виновата.

– Да вы не знаете, что он сделал, и заступаетесь. Он упрямый мальчишка!

– Всему научился у ней; прежде он не был таким. Я, я никогда не взяла бы в дом такую упрямую девчонку; она его всему научает: он еще дитя, – с горячностью говорила Настасья Андреевна.

– Хорошо дитя!.. но прошу таких глупостей не говорить в другой раз.

Аня слышала обвинение себе. Оскорбление, это чувство, доселе ей неизвестное, обхватило ее; она вся задрожала, хотела говорить, но не могла, – хотела плакать, но слезы душили ее; поставив чашку на перилы террасы, она кинулась в сад. Сумерки мешали видеть лицо Ани; однако Федор Андреич вернул ее, заметив, что в саду сыро. Аня ушла в залу и, сев у окна, сжала свою голову руками, облокотись на подоконницу. Она оставалась в этом положении, пока не почувствовала легкого удара по плечу. Старичок стоял возле нее и тихо сказал ей:

– Что с тобой?.. не слышишь, что Федор Андреич тебя зовет?

Аня очень удивилась, что чай был убран и зала темна.

– Иди же читать газету, – с удивлением повторил старичок.

Внучка как бы машинально повиновалась: она вошла в гостиную. Свет свечей резал ей глаза. Федор Андреич сидел один на диване у круглого стола, покуривая трубку. Аня молча села, взяла газету, лежавшую на столе, и стала читать. Но она читала так рассеянно, что Федор Андреич заметил ей, что она, верно, разучилась читать, и приказал прекратить чтение.

Через полчаса в гостиной старичок, храня глубокое молчание, играл в карты с Федором Андреичем, а его сестра расхаживала по террасе, пол которой очень сильно скрыпел. Дверь на террасу была раскрыта. Аня сидела с работой в руках возле старичка, но поминутно задумывалась; стук карт по столу заставлял ее вздрагивать, и она обращалась к своей работе.

Вечер был тих, свечи горели ровно. Вдруг посреди глубокой тишины послышался звонкий голос, полный грустной мелодии. Он пел русскую песню:

Не одна-то во поле дороженька…

Шаги на террасе замолкли, Аня оставила шитье; играющие в карты и все вслушивались в пение.

– Кто это распевает в саду? – с удивлением спросил Федор Андреич и вдруг, усмехнувшись, продолжал – А, это, верно, он! Слышите, Настасья Андреевна, каким соловьем заливается ваш баловень?

И он стуком карт как бы старался заглушить пение. Оно было так грустно, что у Ани показались слезы на глазах, а старичок сделал ренонс. Последнее очень рассердило Федора Андреича, и он, поворчав на старичка, крикнул своей сестре:

– Да скажите, чтоб он перестал петь.

Пение через минуту затихло.

Подали ужин. Настасья Андреевна, несмотря на свой обычный аппетит, ничего не ела. В половине ужина она сказала:

– Позвольте, братец, послать ему туда ужин.

– Сделайте одолжение! Иван! отнеси Петру Федорычу стакан воды и черного хлеба.

На глазах Настасьи Андреевны показались слезы, и она с упреком взглянула на Аню, которая печально сидела возле своего дедушки. После ужина Федору Андреичу вздумалось продолжать игру. Аня, сказав, что у ней болит голова, простилась с играющими, чтоб идти спать; но вместо своей комнаты она очутилась в саду и, бросив горсть песку в закрытое окно кабинета, нетерпеливо глядела на него. Петруша открыл окно, Аня произнесла:

– Тс!

– Аня, ты? – спросил Петруша, всматриваясь в темноту сада.

– Я, я, Петруша!

– Смотри, чтоб тебя не увидели.

– Нет: он играет в карты с дедушкой, а она говорят с поваром… Петруша, нельзя ли мне вскарабкаться к тебе?

– Высоко; впрочем, вскочи на карниз: я поддержу тебя.

И Петруша, свесившись из окна, протянул руки. Аля подпрыгнула, ухватилась за них и, как кошка цепляясь по стене, стала одной ногой на карниз и, локтями придерживаясь на оконнице, находилась почти в висячем положении.

– Не упади! – заметил Петруша; и он придерживал ее.

Аня, указывая на стакан воды и хлеб, стоящий у окна, сказала:

– Ведь это он тебе выдумал такой ужин.

И, вынув из кармана своего платья кусок жаркого и белого хлеба и подавая Петруше, прибавила:

– А я вот что тихонько для тебя спрятала.

Петруша как бы нехотя стал есть; но по мере каждого куска он ел с большей и большей жадностью.

Аня глядела на него.

– А какой соус был сегодня за обедом? – жуя, спросил Петруша.

– Твой любимый.

– Ах, жаль! вот ты бы мне его принесла.

– Очень ловко! соус в карман положить! – смеясь, подхватила Аня. – Я и так боялась, что заметят меня. Ты знаешь, как Настасья Андреевна глядит за мной.

– Что она, рада, что я наказан?

– О нет! даже не ужинала.

– Вот хвастунья-то! а как уж грозила мне, как будто в самом деле злая.

– Она тебя любит, Петруша.

– Да я-то ее не буду любить, если она станет привязываться к тебе.

– Ах, Петруша! выпустят ли тебя завтра? мне так скучно.

– Пусть лучше меня продержат здесь с неделю, только бы отвезли в город и отдали учиться.

– Надо проситься.

– Хочет, чтоб я сказал, к кому я написал письмо, когда я сам не знаю!

– Скажи, что к Танечке.

– Ишь какая добрая! чтоб он пожаловался на нее! Лучше я скажу – к тебе.

– Изволь: я согласна! пусть меня наказывают, только бы тебя простили.

Голос у Ани задрожал, и она заплакала.

– Аня, что ты, о чем плачешь? – с участием спросил Петруша.

Плача, Аня отвечала:

– Настасья Андреевна уверяла его, что я всему виновата и что учу тебя лгать ему…

Аня, рыдая, склонила голову на окно. Петруша с сердцем топнул ногой и, наклонясь к Ане, сказал:

– Полно, не плачь: когда я стану учиться, я не позволю тебя так обижать.

В это время голоса за дверьми заставили их вздрогнуть. Локти у Ани соскочили; она скатилась вниз и, чуть не упав, пустилась бежать к себе в комнату.

Петруша долго не спал и видел, как Федор Андреич просидел всю ночь в креслах у окна, а утром он увидел его в постели во всей одежде.

На другое утро Аня, как ни хитрила, чтоб скрыть свои руки, расцарапанные при падении, но их тотчас заметил Федор Андреич и, сказав: «Куда вы это лазить изволили?», погрозил ей пальцем. За обедом он, неожиданно для всех, объявил, что завтра утром повезет Петрушу в город, что ему нечего делать в деревне.

Настасья Андреевна давно знала, что должна расстаться когда-нибудь с своим любимцем; однако это ей не помешало измениться в лице.

Селивестр Федорыч не доел жаркого и с ужасом глядел на хозяина; его жена закашлялась, как обыкновенно с ней случалось при всяком волнении. Федор Андреич, как бы заметив это, сказал учителю:

– Вы можете остаться у меня, пока не сыщете места.

Учитель встал и отвесил поклон, его жена сделала реверанс, и с новым аппетитом Селивестр Федорыч доел свое жаркое и взял двойную порцию пирожного, – верно, за своего ученика, которому в этот день отнесли обед в кабинет.

В доме сделалась суматоха. Настасья Андреевна на одной кладовой перебегала в другую, считала белье, и какие хитрости ни употребляла, чтоб проникнуть к своему любимцу, – всё рушилось о железную волю ее брата.

Ане тоже не было случая переговорить с Петрушей, потому что Федор Андреич целый день сидел у себя в кабинете, а когда смерклось, посадил ее читать. Ужин был подан ранее обыкновенного, и, прощаясь, Федор Андреич объявил, что поедет в город с Петрушей после завтрака.

Настасья Андреевна с вечера заказала любимые кушанья Петруши для завтрака и не очень покойно спала эту ночь.

Глава VII
Отъезд

Утром, собравшись к чаю, Настасья Андреевна спросила лакея, стоявшего у двери:

– Что, встал барин?

– Никак-с нет!

– Спит? – с удивлением поглядев на лакея, заметила Настасья Андреевна.

– Никак-с нет! – поспешно отвечал лакей.

– Что ты это зарядил свое «никак-с нет»! Поди, проси кушать чай.

И она стала заваривать чай.

Лакей не двигался с места и, запинаясь, сказал:

– Да… они-с в ночь изволили уехать-с!..

Все присутствующие недоверчиво глядели на сконфуженного лакея.

– Как, уехали?! а Петруша? – воскликнула Настасья Андреевна.

– Они-с тоже! – пугливо глядя на хозяйку, отвечал лакей.

– Как же ты меня не разбудил? – закричала Настасья Андреевна.

– Очень крепко запретил барин никого не беспокоить-с.

Настасья Андреевна опустилась в изнеможении на стул, а все присутствующие менялись удивленными взглядами и пожатием плеч, казалось лишась способности говорить. Посредито этой тишины со стола зажурчали ручьи воды. Настасья Андреевна забыла закрыть кран у самовара, заваривая чай. Все заахали, засуетились вокруг стола. Настасья Андреевна шумела больше всех, выбранив всех, начиная от Ани до жены учителя… Когда привели всё в надлежащий порядок и все опять уселись по своим местам за чай, на каждом лице заметно было напряженное усилие разгадать причину неожиданного отъезда хозяина и похищения Петруши.

Селивестр Федорыч находился в волнении, особенно подозрительном при его глубокомысленной неподвижности. Он напевал старичку обидчивым голосом:

– Что же, мной были недовольны, что ли? разве они не знают, что я семерых приготовил к экзамену?

– Уехал! – пробормотала Настасья Андреевна, неопределенно смотря на самовар.

– Не дал ни с кем проститься! – покачивая головой, в свою очередь рассуждал старичок.

Настасья Андреевна, услышав его, подняла голову; глаза ее запылали гневом, и она, задыхаясь, отвечала старичку:

– И даже не дать проститься с той, которая ему заменяла мать!

Руки ее судорожно сжались, и она тихо произнесла, как бы рассуждая сама с собой:

– Кажется, я терпела; но этот поступок…

– Он, верно, боялся слез? – заметил старичок.

– Ах, боже мой! да что я за дура? неужели я стала бы плакать, если его повезли бы учиться! Я давно просила его позаботиться о нем. А тут вдруг, как преступника, засадили в комнату и ни с кем не дали проститься – увезли.

– Круто поступил! – печально сказал старичок.

– Не круто… нет… это просто жестоко! – воскликнула Настасья Андреевна и, как бы испугавшись своих слов, огляделась кругом. Но, встретив сухую фигуру Селивестра Федорыча, она видимо обрадовалась и продолжала, не понижая голоса: – Это всё вы, вы виноваты: вам только бы сидеть у себя да нежничать с вашей женой!

Учитель разгорячился от несправедливых упреков Настасьи Андреевны и с несвойственным жаром сказал:

– Помилуйте, Настасья Андреевна! я обязанность свою исполнял как следует: я занимался с ним ровно восемь часов в сутки, по десять предметов проходил каждый день. Слава богу, я знаю, как должно исполнять свой долг; у госпожи Ломаковой я пятерых приготовил в…

– Убирайтесь вы со своими Ломаковыми! Вы за Петрушей не смотрели, не смотрели! – кричала всё сильнее Настасья Андреевна.

Учитель обижался и ко всем обращался с вопросом: «Чем же я-то виноват?»

– Я бы вас дня не стала держать! вот как вы правы! – произнесла иронически Настасья Андреевна и вышла из залы, захлопнув с силою дверь.

– Что я такое сделал? – жалобно спросил Селивестр Федорыч, обращаясь к старичку, который отвечал ему:

– И, батюшка! полноте! не видите вы, что ли, как она огорчена? Всем поровну досталось от нее сегодня.

Учитель задумался, а его жена не спускала глаз со своего мужа; ее била лихорадка, и слезы текли по щекам.

– Не плачьте! – с участием шепнула Аня, подойдя к жене учителя, которой, казалось, только недоставало этого, чтоб разрыдаться.

– Это, это что? – спросил учитель, глядя с удивлением на свою жену.

– Очень просто: ей больно, что на вас рассердилась Настасья Андреевна, – отвечал старичок.

Но жена учителя уже не плакала и, сделав реверанс стулу, на котором сидела Настасья Андреевна, вышла первая из залы, а за ней и муж.

– Аня, пойдем погулять в сад: здесь что-то душно! – вставая со стула, сказал старичок.

Дедушка и внучка, оба грустные, пошли в сад. Усадив старичка в беседку, Аня пустилась бежать к мостику, но скоро остановилась и пошла лениво; мимоходом и как бы с досадою щипала листья с кустов и бросала на дорожку. Подойдя к молоденькой березе, у которой она недавно была с Петрушей, она остановилась перед ней и долго оставалась в раздумье. Потом, вынув из кармана перочинный ножичек, она вырезала число и год на дереве.

Долго она ходила по саду, как бы кого-то всё искала, – была у речки, пробовала кататься на лодке, и видно было, что ей неловко и грустно.

Она возвратилась в беседку и нашла старичка сладко спящим на скамейке. Сорвав огромную ветвь акации, она села возле него и стала обмахивать мух с лица спящего, пристально глядя ему в лицо. Мысли ее обратились к прошедшему – к той веселой и свободной жизни, какую она вела у доброго старичка: невольно родилось сравненье с теперешней жизнью. Она припоминала ту легкость на душе, когда, бывало, усевшись между двумя старичками под вечерок, она читала им романы, как потом она им разливала чай и как весело ей было ложиться спать. И когда дошла она до смерти бабушки, сердце у ней сжалось и вдруг пришла ей мысль: что, если и дедушка умрет, с кем она останется? Это так испугало Аню, что она разбудила старичка. Открыв глаза, он пугливо спросил:

– Что тебе, Аня, что?

– Ах, дедушка, мне скучно! – отвечала внучка.

– Что же мне делать, голубушка моя! – протирая глава, ласково отвечал старичок.

– Не спите!

– Да ведь так только вздремнул.

И он сладко зевнул.

– Ну хотите, я принесу сюда шашки, и мы будем играть.

– Ты разве умеешь?

– Умею: недаром же я сижу всё возле вас, как вы играете с ним.

– Ну давай!

Аня побежала к дому и в аллее видела Настасью Андреевну, которая расхаживала скоро и поминутно подносила к глазам платок.

Под вечер Аня стала веселее, потому что целый день провела одна с дедушкой: всё было тихо, никто ее не бранил, никто на нее враждебно не глядел; она говорила, что ей приходило в голову, ела за столом, сколько ей хотелось, потому что Настасья Андреевна не сходила сверху со дня отъезда Петруши.

Аня, пользуясь этим, отобрала себе пробор, завила пукли и возилась с ними по нескольку часов в день. Стоя перед зеркалом, она напряженно рассматривала себя, будто совершенно постороннюю особу, и наконец решила, что она недурна собой, хоть и желала много перемен в своем лице. Во-первых, более бледности и таких огромных глаз, что верно б сама испугалась, если б желание вдруг исполнилось.

В несколько дней она как будто возмужала. Движения ее стали плавны, она не бегала по саду, а тихо расхаживала по дорожкам; даже ее мысли вращались на совершенно новых предметах.

В ожидании ужина усталая Аня после продолжительной прогулки отдыхала на диване в гостиной; у стола читал старичок газету. Дверь была открыта на террасу; но Ане было жарко: она откинула густые пукли от разгоревшихся своих щек, сняла пелеринку с своих пышных плеч и оставалась в полулежачей позе.

– Не закрыть ли дверь на террасу? – смотря на пылающие щеки своей внучки, спросил старичок.

– О нет! мне и так жарко; я далеко зашла, всё думая да думая, потом бегом бежала домой.

– Дурочка, о чем же это ты так думала?

– О Петруше! я ужасно рада, что его увезли отсюда.

– Чему же ты рада? – с удивлением спросил старичок.

– Да помилуйте! ну что ему было здесь-то делать, шалить?..

– Умно рассуждаете! – раздался голос: в дверях террасы стоял Федор Андреич.

Аня и старичок очень испугались неожиданного появления его и стали его расспрашивать, как он явился.

– Просто всего изломало меня от езды. Я вышел у лесу из коляски да и пришел пешком, – ласково пожимая руку у старичка, отвечал Федор Андреич, и, обратясь к Ане, он продолжал – Что же вы не здороваетесь со мной? ведь мы давно не видались.

И он поцеловал ее в лоб и погладил по плечу.

– Уф! – упав на диван, произнес Федор Андреич и, проведя рукой по лбу, вдруг пугливо оглядел комнату и поспешно спросил – А где сестра?

– Наверху-с! – отвечала Аня.

– Здорова?

– Кажется! – неутвердительно отвечала Аня.

Но Федор Андреич, не слушая ответа, обратился к старичку и, потирая руками, спросил:

– Ну а как вы без меня проводили время?

– Да вот, как видишь, скучали, – отвечал старичок, и говорил искренно, потому что без карт и партии шашек ему страшно длинны казались вечера.

– А вы? – обратясь к Ане, спросил Федор Андреич.

– Да вот играла со мной в шашки: ведь она умеет играть! – с гордостью сказал старичок.

– Хорошо, сыграем… сыграем…

И Федор Андреич с удивлением глядел на Аню и продолжал:

– Да что это вы как-то нарядны сегодня?

На Ане было ее будничное ситцевое платье с открытым лифом и рукавами; но несколько диких роз приколото было к корсажу. Пукли, падавшие на ее плечи, при слабом освещении, делали ее туалет очень роскошным.

Аня сконфузилась и поспешила накинуть на плечи, пелеринку; закинув пукли назад, она спрятала их под гребенку. Всё это было делано необыкновенно быстро; но, срывая свой букет с лифа, она слабо вскрикнула, уколовши руку.

Федор Андреич с упреком сказал:

– К чему всё это вы измяли! Я только так заметил, вот вы и наказаны…

И, заслышав шаги в зале, он подмигнул старичку, прибавив шепотом: «Идет!»

Настасья Андреевна вошла в гостиную; брат поздоровался с ней и, подавая ей письмо, сказал:

– Петруша вам всем посылает поклон, а вам письмо.

Настасья Андреевна тут же, распечатав его, стала читать; но руки у ней задрожали, она стала щуриться и наконец быстро вышла из гостиной.

За ужином Федор Андреич поразил всех любезностью своей; он даже пожал руку учителю и его жене и отвечал поклоном на ее скорый реверанс. Лица у всех были веселы, кроме Настасьи Андреевны, которая после ужина объявила брату, что желает с ним переговорить.

– С большим удовольствием! – отвечал Федор Андреич; но его лицо противоречило словам.

Войдя в гостиную, Настасья Андреевна заперла дверь в залу, заглянула на террасу и, став посреди комнаты, молча глядела на брата, как бы не решаясь говорить. Но Федор Андреич не заметил этого и покуривал свою трубку, делая кружочки из дыму.

– Братец! – дрожащим, но полным упрека голосом начала Настасья Андреевна.

Федор Андреич поднял голову и равнодушно посмотрел на сестру, которая раскрыла рот, чтоб говорить, и вместо того залилась слезами. Может быть, с детства он не видал ее плачущею; но он спокойно продолжал глядеть на сестру. Прошла минута в молчании. Федор Андреич первый нарушил его, сказав:

– Вы еще долго будете плакать?

– Вы… вы жестоко поступили со мной! – всхлипывая, отвечала ему сестра.

– Это в чем?.. что увез шалуна?.. не дал ему проститься ни с кем? – насмешливо спрашивал Федор Андреич и строго продолжал – Мне нужно было проучить его – это ему было наказанием.

– Наказывая виноватого, вы забыли, что оскорбляете… – раздражительно перебила его Настасья Андреевна.

– Полноте! что за оскорбление! – нахмурив брови, резким голосом заметил ей брат.

Настасья Андреевна замолчала и кротко спросила:

– Петруша приедет после экзамена?

– Нет! я его намерен проучить за его упрямство, и он до Рождества не будет дома. Он это знает.

Настасья Андреевна гордо подняла голову и твердым голосом сказала:

– Братец, так я поеду в город к нему!

– Не нужно-с! – сердито отвечал Федор Андреич.

– Я… я завтра поеду! – отчаянным голосом сказала Настасья Андреевна.

Глаза ее засверкали и встретились с не менее блестящими глазами брата. Они переглянулись, как бы измеряя силу друг друга.

– Вы можете делать, что вам угодно! – вставая, холодно сказал Федор Андреич.

– Я еду! – пробормотала едва внятно Настасья Андреевна.

И они разошлись по разным дверям. Настасья Андреевна, уходя в залу, оглянулась на своего брата, который мерными шагами вышел на террасу.

Глава VIII
Гроза

Сборы к отъезду Настасьи Андреевны произвели большую суматоху в доме. Это был ее первый выезд из деревни с тех пор, как она родилась в ней. Сама она ходила как потерянная; ей было дико, что она пошла против воли Федора Андреича, которому с детства привыкла повиноваться. Но любовь к приемышу так была сильна в ней что она не побоялась прогневить брата, лишь бы только повидаться с Петрушей, благословить его на новую жизнь и дать ему наставление, как вести себя в ней.

Накануне отъезда Настасьи Андреевны Аня всю ночь трудилась над письмом к Петруше, которое посылалось тихонько с человеком, сопровождавшим Настасью Андреевну. Много труда стоило Ане изложить письменно все происшествия после его отъезда. Она раз восемь переписывала письмо и наконец, рассердясь, запечатала его своим колечком.

Ключи были оставлены Федору Андреичу, а он передал их Ане, которая и заняла роль хозяйки.

Отсутствие Настасьи Андреевны ни на кого не имело грустного впечатления; напротив, все были веселы за столом, даже жена учителя решилась говорить. Федор Андреич сам подчинился веселой молодой хозяйке, у которой были большие упущения по хозяйству; но детский испуг, вызвавший краску на щеки, без того уже розовые, и желание загладить предупредительностию ошибку – обезоруживали угрюмого хозяина и расправляли его нахмуренные брови.

Выдался день, что у Ани всё хозяйство шло наизворот, – Федор Андреич рассердился; хотя гнев его обрушился на повара, но Аня тихонько поплакала. Следы слез были открыты Федором Андреичем, и, вместо всяких упреков, он предложил ей ехать кататься.

Так как для живого характера Ани в деревне не было развлечений, то она с радостью приняла предложение и побежала одеваться.

Но туалет ее не был многосложен. Дорожного зимнего капора ей не хотелось надеть, а летней шляпки не было, и она, накинув белый кисейный вуаль на голову и взяв зонтик, сошла на крыльцо. Федор Андреич со старичком хлопотали около рысака, запряженного в длинные беговые дрожки.

– Вы не трусливы? – спросил Федор Андреич, садясь осторожно на дрожки и собирая вожжи.

– О нет! – гордо отвечала Аня.

– Помните, что ноги надо держать осторожнее, когда будем на гору въезжать.

– Я знаю-с, – садясь проворно, сказала Аня.

– Ну, пускай! – сказал Федор Андреич кучеру, державшему под уздцы лошадь, которая быстро рванулась с места.

– Тс-тс! – произносил Федор Андреич, осаживая ее и заставляя идти шагом, пока раскрывали ворота.

Старичок с беспокойством следил за лошадью и, когда выехали из ворот, закричал:

– Аня, ноги, ноги! братец, осторожнее!

Аня весело кивала головой, как бы поддразнивая старичка, который долго оставался на крыльце, приложив руку к глазам.

Лошадь горячилась; но Аня была совершенно покойна, не потому, что была уверена в искусстве Федора Андреича, а скорее по детской беспечности и желанию чего-нибудь нового. Проезжая деревню, Аня радушно отвечала на низкие поклоны баб и мужиков, высыпавших смотреть на барина.

– Ну, куда хотите? – спросил Федор Андреич, выехав за околицу.

– В лес! ах, пожалуйста, свезите меня в лес! – отвечала Аня и несколько тише продолжала – Мне говорили, что там много ягод!

– А кто это вам сказывал?

– Дуня!

– А-а-а!

Они ехали по узенькой дорожке, проложенной между золотистой рожью. Солнце начинало садиться и, яркими своими лучами рассыпаясь по чистому небу, манило в бесконечную даль, где чернелся лес, сквозь который, как зарево пожара, просвечивалось оно. Дорога была гладкая. Федор Андреич усилил бег лошади и спросил Аню:

– Не боитесь?

– Нисколько! напротив, очень весело.

– Если так, то держитесь крепче: я пущу лошадь во всю рысь.

Аня слегка обхватила Федора Андреича рукой, а другою уцепилась за подушку дрожек.

– Крепче, крепче держитесь! – твердил Федор Андреич и пустил лошадь.

Лицо его ожило; он с напряжением следил за лошадью, прищелкивал языком и, казалось, весь перешел в вожжи, которые держал, как ученый кучер.

Аня же, поджав свои ноги, держась за Федора Андреича и приложив свою голову к его плечу, звучно смеялась и в то же время щурилась от быстроты мелькавших перед ней колосьев ржи.

Въехав в лес, Федор Андреич утишил бег лошади, повернул голову к Ане и, поцеловав ее в лоб, спросил:

– Ну что?

От неожиданной ласки Аня покачнулась назад; дрожки, наехав в ту минуту на кочку, подбросили ее, как мячик, кверху, и она очутилась на земле.

Страшный крик вырвался из груди Федора Андреича. Он бросил вожжи, соскочил с дрожек и кинулся к Ане, которая уже стояла на ногах и, дрожа всем телом, силилась улыбаться. Она не столько испугалась своего падения, сколько крика Федора Андреича и его бледности.

– Не ушиблись ли вы? – нетвердым голосом произнес Федор Андреич.

– Мне ничего! – пугливо отвечала Аня, очищая свое платье и собирая свои волосы, рассыпавшиеся при падении. Она стала искать гребенку свою, но собрала только мелкие куски и, держа их в руках, со слезами глядела на них.

Федор Андреич, заметив сломанную гребенку, рассердился:

– Вот ваши шалости, вот до чего они вас доводят! Ну что вы теперь будете делать с вашими волосами?

Аня поспешно разняла их на две косы и стала заплетать.

Федор Андреич молча ждал окончания, и когда Аня, забросив свои косы назад, взглянула на него, гнев уже исчез с его лица. Она робко сказала:

– Я вас рассердила?

– Признаюсь, вы хоть кого из себя выведете.

Тут только он хватился лошади; но ее не было видно.

– Боже мой! где она? чтоб не сломала себе ноги! – в отчаянии воскликнул он и чуть не бегом пустился, свистя пронзительно.

Невдалеке послышалось ржание. Федор Андреич пошел тише и свободно вздохнул. Аня первая открыла дрожки, которые, зацепись колесом за молоденькое дерево, стояли боком, а лошадь спокойно щипала дубовые листья с отростков и, махая хвостом, отгоняла докучливых комаров, усевшихся у ней на спине.

Федор Андреич заботливо осмотрел лошадь и дрожки и, найдя, что всё было в целости, вывел лошадь на дорогу и сел на дрожки, сказав Ане:

– Извольте садиться; теперь уж некогда, делать прогулки: пора домой.

И он посадил Аню вперед и, когда лошадь тронулась с места, прибавил:

– Не бойтесь: я тихо поеду; но всё-таки держитесь за меня, а то опять упадете!

– Я уж не упаду-с, – отвечала Аня, уклоняясь.

– Вздор! сидите смирно! – резко сказал Федор Андреич.

И он пустил лошадь маленькой рысью.

По лицу Ани можно было заключить, что ей не нравилась заботливость Федора Андреича; она кусала губы, вертелась и вдруг вскрикнула:

– Стойте, стойте!

Федор Андреич остановил лошадь и тревожно спросил:

– Что такое?

Аня соскочила с дрожек и, сказав: «Я забыла зонтик», пустилась бежать назад.

– Экая шалунья! – сердито сказал Федор Андреич и крикнул громко – Назад! назад!

Аня остановилась и тихо пошла к дрожкам.

– Назад! – повторил Федор Андреич, и когда Аня подошла к нему, он спросил своим сердитым голосом, страшно хмуря брови: – Куда вы так бежали? а?

– Взять зонтик!

– И для такой дряни стоит бежать за версту?.. Садитесь! – повелительно прибавил Федор Андреич.

Аня села, и ей стало страшно одной в лесу с сердитым Федором Андреичем, у которого лицо никогда еще не казалось ей так угрюмо, а глаза так блестящи, как теперь. Сердце у ней застучало, и она готова была бежать от него.

– Держитесь крепче за меня! – отрывисто сказал Федор Андреич, давая свободу лошади; но Аня не решалась дотронуться до его руки.

– Что же вы боитесь! я не укушу! – раздражительно заметил Федор Андреич.

Подъезжая к дому, он насмешливо спросил:

– Ну что, съел я вас?

И когда старичок встретил их, Федор Андреич сказал:

– Ну трусиха же ваша внучка, чуть шеи не сломала.

– Господи! как? что? – тревожно воскликнул старичок, обращаясь к своей внучке, которая, поцеловав его крепко, отвечала:

– Ничего, я не ушиблась!

– Какая жара сегодня! – заметил Федор Андреич и, сев на крыльцо, вытер платком лицо, горевшее, как раскаленное железо.

Аня о чем-то задумалась и машинально следила за лошадью, которую кучер проваживал по двору.

– Уж не изволите ли вы сердиться? – спросил Федор Андреич, окинув Аню пристальным взглядом.

– Я устала, – ответила она и ушла.

– Ее надо почаще брать с собой… ужасная трусиха, да и моцион ей нужен! – провожая глазами Аню, заметил Федор Андреич.

– Странно! а на вид такая храбрая, – в недоумении отвечал старичок. – Спасибо, – с чувством прибавил он, – спасибо, что ты о ней заботишься, как родной отец.

– Разве я ей не родня? – обидчиво сказал Федор Андреич.

– Больше, чем родной! Но она девушка добрая: она оценит твое расположение к ней. Мы чувствуем всё, всё, что ты для нас делаешь.

И у старичка слезы дрожали на ресницах.

– Что это! как вам не стыдно! Я, слава богу, и чужих пригрел в своем доме. Вы увидите впоследствии мое расположение к вам. Я не люблю вполовину делать добро. Вы стары, а ей нужна опора.

– Я даю тебе право, или, лучше, ты его уже приобрел своими благородными поступками: устрой ее судьбу.

После этого разговора они пошли в гостиную и застали Аню в слезах, сидящую на ступеньке террасы.

Гнев охватил Федора Андреича; он заходил по террасе, бормоча: «Вот мило – плакать каждую минуту!»

И потом требовал, чтоб она сказала причину.

– Я сломала гребенку и потеряла зонтик! – всхлипывая, отвечала Аня.

– И вы из таких пустяков плачете, как будто вас теснят здесь, а?

– Она глупенькая! – перебил старичок.

– Зачем же она не смеется, а чуть что-нибудь – хнычет? Знайте, сударыня! я вам в последний раз говорю, что не терплю, когда в моем доме, плачут. Слышите?

И Федор Андреич пошел в сад.

– Ну что ты его сердишь? – садясь к Ане, сказал старичок.

Внучка, положив ему голову на колени, продолжала плакать.

– Перестань, Аня; ну стоит ли о гребенке так плакать.

– Ах, дедушка, я совсем не о том плачу!

– Так о чем же?

– Я его боюсь.

– Чего же его бояться? что ты? он так нас любит.

– Не знаю; я его боюсь.

И она крепко прижалась к старичку и плакала; старичок, не зная, чем утешить ее, сказал:

– Посмотри-ка, Аня, какая бабочка красивая летит, – чудо!

Аня заплаканными глазами взглянула на порхавшую бабочку, долго следила за ней и наконец пустилась ее ловить.

Старичок свободно вздохнул и, улыбаясь, глядел на бегающую свою внучку, бормоча:

– Дитя еще; немудрено, что боится его.

После чаю Федор Андреич пожелал сыграть с Аней партию в шашки. Они уселись в гостиной.

– Ну-с, почем прикажете? – шутливым голосом спросил своего партнера Федор Андреич, расставляя свои шашки.

– На деньги я не хочу играть, – сухо отвечала Аня.

– Отчего?

– У меня их нет.

– Выиграете, так будут.

– Нет! я не хочу! – капризным голосом отвечала Аня и, перестав расставлять шашки, сложила руки.

Федор Андреич нахмурил брови.

– Нехорошо, нехорошо! – строгим голосом заметил Ане старичок, поставил за нее шашки и с несвойственною ему строгостью сказал – Играй!

Аня не без удивления повиновалась старичку.

Игра длилась до ужина, и Аня осталась победительницей, выиграв несколько партий у Федора Андреича, который принес из кабинета двадцатипятирублевую бумажку и, подавая ей, сказал:

– Вот теперь вы можете не плакать о ваших потерях. Пошлите в город нарочного, чтоб он вам купил гребенку.

– Много! – заметил старичок.

__ Надо же ей иметь свои деньги: она не дитя! – сердито сказал Федор Андреич и, обратясь к Ане, которая, покраснев, не брала денег, прибавил – Возьмите же!

И он поспешно отошел от стола.

– Возьми скорее, а не то опять рассердится, – шепнул старичок, сунув в руки Ане бумажку.

К самому ужину приехала Настасья Андреевна. Она была не в духе. Усталость от дороги, холодная встреча брата, полное равнодушие его к Петруше, о котором она рассказывала, – всё обрушилось на Аню, которая, к довершению беды, имела неосторожность занять место Настасьи Андреевны за столом. Настасья Андреевна стала придираться к ней за разные мелочи и наговорила ей довольно колкостей. Аня, не видав ее давно, почувствовала более храбрости и оправдывалась очень смело. И когда кончился ужин, Настасья Андреевна подняла страшный шум. Брат положил конец, послав Аню спать, а Настасье Андреевне строго заметив:

– Если кто виноват в беспорядкам в доме, так, я думаю, вы, потому что хорошая хозяйка не должна бросать всё, чтоб скакать к упрямому мальчишке.

Эти слова глубоко поразили Настасью Андреевну. Она всю жизнь свою посвятила хозяйству, гордилась титлом хорошей хозяйки и воображала, что никем не может быть заменима в доме брата. Федор Андреич подобными упреками довел ее до того, что она созналась в своем проступке и попросила у него прощенья.

Аня в то время, трепеща от страха и радости, читала письмо от Петруши, который также подробно писал ей о своем положении и молил ее при каждом случае писать к нему.

Переписка завязалась, потому что случаев было много пересылать письма. Беспрестанно ездили подводы в город за разными необходимостями, которых оказывалось очень много с тех пор, как Петруша жил в городе; узлы разных варений и солений отсылались к нему каждый раз заботливой хозяйкой.

Боясь Настасьи Андреевны и ее брата, Аня придумала следующую хитрость. Петруша должен был писать свои письма не только на имя дедушки, но даже всё письмо будто бы к нему, а уж она должна была понимать, в чем дело. А так как дедушка был слаб зрением, и притом от слабости у него дрожала рука, то Аня предлагала свои услуги и писала под его диктовку, а чаще сочиняла всё письмо сама. Хитрость удалась: никто не подозревал, что Аня с Петрушей ведут переписку.

Игра в шашки с Федором Андреичем вменилась в обязанность Ане. Впрочем, скука выкупалась частыми выигрышами: у Ани накопилось до ста рублей – сумма огромная, на которую она не могла придумать, что бы купить.

Прогулки также повторялись почти каждый день, но были для Ани невыносимы, потому что ей приходилось быть одной с Федором Андреичем: Ане было неловко с ним говорить, а он сердился, что она ничем не довольна.

Раз, в назначенный час, дрожки стояли уже у крыльца, когда начали собираться тучи. Настасья Андреевна и старичок заметили Федору Андреичу, что ехать не совсем приятно: сейчас пойдет дождь. Но их замечание только рассердило его, и он ускорил свой отъезд, побранив Аню за медленность. Аня чуть не со слезами села на дрожки, потому что лицо Федора Андреича было мрачнее самой тучи, медленно расстилавшейся по небу. Душный перед грозой воздух давил грудь Ани. Они поехали молча.

Послышались вдали глухие удары грома. Аня сказала:

– Вы слышите? гром!

Федор Андреич, вместо всякого ответа, пустил лошадь во всю рысь. Он о чем-то всё думал и часто пугливо глядел на Аню, как будто дивился присутствию девушки, которая вызывала его из задумчивости каким-нибудь движением.

Стал накрапывать редкий, но крупный дождь. Аня опять нарушила молчание, заметив, что идет дождь.

Но ничто не заставляло Федора Андреича повернуть назад; он ехал всё прямо, как бы без всякой целя. Удары грома становились всё чаще и явственнее, а небо всё облеглось тучами, так

что прежде времени совершенно стемнело. Молния быстро, как змея, взвилась по небу; лошадь приостановилась. Федор Андреич вздрогнул, а Аня слегка вскрикнула. Не успели они прийти в себя, испуганные молнией, как оглушительный раскат грома разразился над их головами. Лошадь рванулась и помчалась. Аня обхватила за шею Федора Андреича и закрыла глаза.

Долго мчала лошадь Федора Андреича; он потерял фуражку; жесткие с проседью его волосы стояли дыбом, глаза страшно сверкали, а густые брови совершенно сдвинулись. Аня, вся вымоченная дождем, дрожала не столько от холоду, сколько от страху. Федор Андреич остановился в первой деревне, чтоб переждать дождь и дать ей обсушиться. Они вошли в пустую избу, только что выстроенную. Аня должна была, за неимением другого платья и белья, надеть русскую рубашку и сарафан, принесенные хозяином избы, и превратилась в красивую крестьянку.

Заботы Федора Андреича об Ане исполнялись как бы с сердцем, и малейшее уклонение от них с ее стороны раздражало его.

На дворе стояла такая буря и темнота, что не было возможности пуститься в дорогу. Федор Андреич после чаю приказал принести сена и сам приготовил постель для Ани. Чистое полотенце в головах служило вместо подушек. Аня с радостью бросилась на сено, потому что ей так было тяжело и страшно.

Ветер выл на дворе, и дождь стучал в окна мрачной избы, освещенной одной сальной свечой, перед которой сидел Федор Андреич. Лицо его было красно, против обыкновения, глаза сверкали и были устремлены постоянно на Аню, которая притворилась спящею.

Настала глубокая ночь. Федор Андреич только тогда изменил свое положение и, встав со скамьи, заходил по избе, – то подходил к окну и смотрел в него, нетерпеливо барабаня по стеклу, то подходил к Ане и, наклонясь, глядел на нее, верно желая знать, спит ли она. Тогда у бедной Ани замирало сердце, и дыхание останавливалось.

Наконец он потушил свечу. Аня чуть не вскрикнула: пока она видела знакомое лицо, ей не так было страшно, но тут ей показалось, что она лежит в могиле. От малейшего шелеста волосы дыбом подымались у ней, и холодный пот выступал на лбу. Она напрягала зрение, чтоб различить что-нибудь в темноте. Но страх ее так увеличился, что ей стали казаться какие-то видения. Она творила молитву, и вдруг ей показалось, что она уже чувствует чье-то дыханье. Аня дико вскрикнула.

– Что! что такое? – спросил Федор Андреич.

– Мне страшно! огня зажгите, огня! – говорила Аня, смешивая слова с рыданиями.

– Господи! что это за детство! не даст заснуть! где вы?

И Федор Андреич приблизился к ней и, взяв ее за руку, сказал:

– Ну чего вы испугались?

– Зажгите огня: мне страшно! – кричала Аня.

Огонь был высечен, и у Ани как бы отлегло на сердце. Федор Андреич, обводя свечой избу и остановясь на бледной и дрожащей Ане, сидящей в углу на сене, сердито сказал:

– Ну как вам не стыдно! точно дитя!

И, поставив свечу на стол, он бросился на скамью.

Аня только тогда задремала, как начало рассветать. Проснувшись утром, она прямо встретила глаза Федора Андреича, стоявшего перед ней; он сказал:

– Насилу-то проснулись! я вас будил. Вставайте: пора ехать домой.

Трудно описать тревогу, какую наделало отсутствие Федора Андреича и Ани. Всю ночь старичок и Настасья Андреевна не ложились спать, ожидая их каждую минуту.

При свидании с дедушкой Аня так обрадовалась, что долго душила его своими поцелуями. Федор Андреич остался очень недоволен беспокойством домашних об их отсутствии и сказал своей сестре:

– Вы воображали, что я должен скакать в бурю и рисковать сломать себе шею, чтоб поспешить к вашему ужину. Разве не могли без меня лечь спать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.